Вооруженные Силы и литература

Залпы торжественного салюта прозвучали в Москве и в городе Ленина, на берегах Черного и Желтого морей, над холмами старого Львова и над строительными лесами Сталинграда. Советский народ отпраздновал тридцатую годовщину того знаменательного дня, когда Ленин и Сталин создали для защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции Советскую Армию и Военно-Морской Флот.

Развитие советской литературы неразрывно связано с тридцатилетней историей Вооруженных Сил страны победоносного социализма. В огне гражданской войны родились первые образы героев наших книг. В том же чистом пламени закалялось первое поколение советских писателей, принесшее с собою в литературу непримиримый наступательный дух, неугасимую веру в победу большевистских идей, беззаветную преданность делу партии большевиков.

Солдат Советской Армии — «человек с ружьем» был фронтовым другом писателей этого поколения. Естественно, что он стал и первым героем их книг.

Темы, связанные с эпохой гражданской войны, прочно вошли в число главных тем нашей литературы не только потому, что гражданская война была крупнейшим историческим рубежом, обозначившим наступление новой эпохи в истории человечества. Темы эти привлекали к себе наших писателей с такой неослабевающей силой еще и потому, что гражданская война знаменовала собою зарождение совершенно нового, неизвестного дотоле типа воина.

«Человек с ружьем» вышел на поле боя не как пособник поработителей и угнетателей, но как освободитель порабощенных и угнетенных, защитник народных прав, борец за независимость и счастье. Сын народа, он обрел великое счастье борьбы за подлинно народное дело. И наши писатели, в силу естественной потребности сердца, почли своим долгом раскрыть перед всем миром духовное величие и нравственное благородство людей в серых шинелях, которые ценою нелегких побед превратили нашу страну в твердыню, неприступную для любой вражьей силы.

Книги о беспримерных подвигах этих людей, о животворной силе высокого патриотизма не только помогали воспитанию новых поколений воинов,—они воспитывали строителей социализма, борцов за коммунизм.

Здесь, на нашей родимой земле, мы привыкли дышать очищенным грозою, вдохновляющим воздухом социалистического наступления. Недаром слова боевого лексикона так прочно вошли в наш повседневный обиход. Мы привыкли говорить о «фронтах пятилеток», о трудных штурмах, которые велись за укладку бетона при сорокаградусных зимних морозах, о напряженной битве за колхозные урожаи. Мы и в мирном труде привыкли с упорством воинов добывать победы, требующие самоотверженности и подвигов.

Книги о воинах были примером строителю. Книги о вдохновенном труде строителей воспитывали новые поколения воинов нашей армии.

В постоянной и нерушимой связи с Вооруженными Силами крепла наша литература.

Эта связь выражалась не только в том, что советские писатели неизменно делили судьбу наших воинов, были вместе с ними на берегах Хасана, в снегах Карельского перешейка, под палящим солнцем Халхин-Гола, в полотняных городках лагерей мирного времени. Эта тесная связь нашла свое выражение в создании такого литературного органа Союза советских писателей, как журнал «Знамя»; она породила книги, пьесы, сценарии, песни, посвященные нашей славной Советской Армии.

Советские писатели сознавали, сердцем чувствовали духовное родство профессий воина и писателя.

Закалка, которую получила советская литература в армейской школе, воспитала в наших писателях чувство постоянной боевой готовности. Именно благодаря этому можем мы с гордостью сказать, что труднейшие испытания войны не застали наших писателей врасплох; одновременно с первыми залпами сталинской артиллерии прозвучало и боевое большевистское слово писателя-воина.

История еще не знала такой тесной связи литературы с фронтом, какая была осуществлена многонациональным отрядом советских литераторов в годы жестокого единоборства наших Вооруженных Сил с немецко-фашистской армией. Около тысячи писателей (одна треть общего количества членов Союза советских писателей) непосредственно работали в Действующей армии и в Военно-Морском Флоте, 240 человек отдали свою жизнь в боях за Родину.

Из фронтовых землянок, из огня самых жестоких битв слышался на весь мир голос писателя-воина, призывавший на подвиг во имя торжества справедливости. Еще в самый разгар битв писатели перешли от беглых фронтовых зарисовок, от газетных корреспонденций и очерков к таким произведениям, в которых могли они показать полно и ярко то могущество духовных сил нашего человека, которое во всей глубине раскрылось на полях битв. Эти произведения в дни войны появились почти на всех языках мира, рассказывая о всепобеждающем советском патриотизме, о вдохновляющей силе большевистских идей, о благородных политико-моральных качествах, которые воспитаны партией Ленина—Сталина в советских людях. Опыт войны наглядно показал, что «источником могущества советских Вооруженных Сил является мудрое руководство большевистской партии, вдохновителя и организатора всех наших побед».

Точно так же, как первое поколение советских писателей принесло с собою в нашу молодую литературу наступательный дух гражданской войны, вдохновляющий на борьбу за социализм, так и из Великой Отечественной войны советская литература вышла, обогатившись идейно, еще более укрепив свои связи с партией, народом, закалив свое оружие для новой борьбы за построение коммунизма.

Темы пережитой войны прочно и надолго заняли место в ряду главных тем нашей литературы.

Раскрывая облик советского воина, природу совершенных им подвигов, подлинный инженер человеческих душ показывает миру самую прекрасную душу человеческую, душу благородного и мужественного борца, готового на любой подвиг во имя владеющих им высоких идей, — бессмертных идей Ленина—Сталина.

И вновь, как это было и до войны, связь советских писателей с Вооруженными Силами нашей Родины будет неразрывной в решении всех тех ответственных задач, которые стоят перед Советской Армией.

В приказе министра Вооруженных Сил Союза ССР 23 февраля 1948 года сказано: «Успешно осуществляя грандиозную программу строительства коммунистического общества, мы не должны забывать, что, пока существует империализм, остается опасность нападения на нашу Родину. Обстановка, в которой мы живем, заставляет нас быть в постоянной боевой готовности».

Быть в постоянной боевой готовности —священный долг всей нашей литературы, выдвинутой историей на передовую линию огня. Родина и народ призвали советского писателя всем трудом своим крепить наши Вооруженные Силы — оплот мирного строительства и безопасности советского народа.

Советские писатели сумеют помочь партии Ленина—Сталина в деле воспитания новых поколений строителей коммунизма, защитников Родины, борцов за подлинную свободу человечества.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 16 (2399) Среда, 25 февраля 1948 г. Цена 40 коп.

Вс. ВИШНЕВСКИЙ

РОДНАЯ АРМИЯ

В 1917 году родилась Красная гвардия.

Мне помнится стрельбище в саду Смольного. Стояла сырая осень. Садовники молчаливо подстригали кусты и вслушивались в сухой треск выстрелов, раздававшихся вблизи. Это питерские красногвардейцы — в значительной части молодежь с заводов и фабрик — учились стрелять! Хватко они открывали затворы винтовок и учились сильным нажимом большого пальца вгонять всю обойму; учились искусству прицеливания.

Балтийский флот и Выборгский район были ударной силой. Пять тысяч выборжцев составили основное ядро Красной гвардии. В других районах Питера было еще тысяч семь. Выборжцы выполняли задания Смольного. Руководил подготовкой к восстанию лично товарищ Сталин.

22 октября, почти в канун восстания, был проведен «День Петроградского Совета»—смотр боевых сил. Во всех казармах, на всех фабриках и заводах поднялся народ, готовый к непримиримой священной борьбе. Старый театрик Путиловского завода, казалось, трещал от напора толпы. Неукротимы силы революции. Кто-то из эсэров пророчит гибель, — его сбрасывают с трибуны. Слышно, как ударилось тело об пол. Предателей долой!..

В залы Народного дома, в проходы, на лестницы, в галлереи набились многие тысячи... Люди едва разбирали слова ораторов. Но вот слышно: «Власть Советов!»— и гул прокатился по огромному зданию, и стаи птиц взмыли испуганно с крыш и с деревьев парка. Подняв винтовки, люди клялись итти в бой.

Кадры для новой армии были подготовлены партией. Люди проникались презрением к смерти и безраздельным доверием к честнейшим, смелейшим и опытнейшим: к партии большевиков. Напрасно пытались царские генералы и иностранные дипломаты стянуть к Питеру кавалерийские дивизии, английские броневики, 17-й корпус, 37-ю дивизию, тяжелые бронепоезда. Красная гвардия, Балтийский флот и его отряды, положившие начало знаменитой морской пехоте Советов, и полки питерского гарнизона, действовавшие по директивам Ленина и Сталина, упреждали врагов и били их!

Шла зима 1918 года... Все говорило о том, что империалисты начнут нападение на молодую Советскую республику. Встала задача срочного формирования новой мощной социалистической армии. В первый день 1918 года (тогда еще был в ходу старый календарь) в Михайловском манеже шли проводы очередного сводного отряда на фронт. Уже полыхал огонь гражданской войны. Англия и Франция — с благословения США — делили Россию на «сферы» и «зоны» влияния, слали эмиссаров к Каледину, Алексееву, Петлюре. Черчилль прикидывал, как англичане устроятся на нашем Севере, на Урале, в Баку.

На проводы сводного отряда прибыл Ленин. Бойцы стояли рядами. Знаменщик держал Красное знамя.

Ленин поднялся на деревянную трибуну:

«Товарищи, я приветствую в вашем лице решимость русского пролетариата бороться за торжество русской революции, за торжество великих ее лозунгов... Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию. И эта армия призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть, Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, весь новый, истинно-демократический строй от всех врагов народа, которые ныне употребляют все средства, чтобы погубить революцию. Эти враги — капиталисты всего мира, организующие в настоящее время поход против русской революции, которая несет избавление всем трудящимся. Нам надо показать, что мы — сила, способная победить все преграды на пути мировой революции»*.

Стоял 22-градусный мороз. Две тысячи бойцов — первых добровольцев новой армии — слушали Ленина. Потом разом вспыхнуло восторженное «ура». Казалось, в мир ворвалась какая-то новая энергия.

События катились стремительно. Предательство Троцкого открыло фронт, и многотысячная армия немецких империалистов покатилась на Восток, подминая Украину, Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию... Немецкое командование нацеливалось прямо на Петроград.

Всколыхнулась вся страна... Загудели гудки заводов и фабрик Питера. Взвыли сирены кораблей Балтийского флота.

«Социалистическое отечество в опасности», — немолчно звучал призыв Ленина и Сталина. И народ откликнулся без колебаний. В те дни Питер бурлил. Трамвайщики вывели на линии все годные вагоны и непрерывно перебрасывали новые отряды и полки на Балтийский и Варшавский вокзалы. Войска уходили под Псков и под Нарву.

Опасность, нависшая над Петроградом, взяла всех честных людей России за сердце. Враги протягивали руку к гордому, никогда и никем не попранному славному городу.

Питер вступил в бой с немецкими полчищами. И разбил их. И день 23 февраля стал днем Советской Армии.

То, что не удалось немцам, попробовал сделать Черчилль. Коалиционные силы Запада и поддержанные ими белогвардейские части начали наступление.

Красная Армия и ее верный друг и помощник — Военный Флот — вступили в долгий, тяжелый поединок с врагом. Ленин возглавил Совет Рабоче-Крестьянской обороны (с 1920 г. Совет Труда и Обороны). Сталин руководил важнейшими военными операциями. В армию ушли лучшие силы партии. Они шли на самые опасные и ответственные участки. К концу войны в Красной Армии было более 300.000 коммунистов, они беззаветно и умело ввели в бой пять с половиной миллионов бойцов.

Враги блокировали нашу страну. Они отрезали порты, захватили важнейшие в экономическом отношении районы. Они бомбили наши города: Кронштадт, Астрахань. Они обстреливали Одессу, Феодосию, Новороссийск огнем линейных кораблей. Враги устраивали заговоры и диверсии.

Красная Армия героически отражала удары врагов, на ходу совершенствовала свою организацию, свои знания, свою технику и на каждый удар отвечала двойным ударом.

Великий наш народ вел борьбу не на живот, а на смерть. Он знал, за что борется. Он верил тем, кто им руководит.

Твердо звучали слова Ленина: «Для тех, кто отправляется на фронт, как представители рабочих и крестьян, выбора быть не может. Их лозунг должен быть—смерть или победа».

Во все дни долгой войны Ленин неизменно держал связь со Сталиным; неизменно советовался с ним. «О деталях переговорить со Сталиным...», «Запросите Сталина...»

Красная Армия, ведомая людьми чести и долга — коммунистами, год за годом вершила свое дело. Был голод. Шли голодные. Стояли морозы. Шли сквозь морозы, согреваясь своим дыханием. Не было боезапаса — брали его с боем у противника. Не было топлива — народ поднимался на субботники. Везде и всюду коммунисты были на посту, не смыкая глаз, не жалея сил. Ибо нет в жизни более светлого, радостного дела, чем служба народу.

Мы победили в трудной войне. Мы выдержали длительный натиск интервентов. Они двинули против нас армии и флоты, силу, которая безмерно и безусловно превышала наши военные силы.

Но победа все же была на стороне Красной Армии. Победу определила правота нашего дела, преданность народа великим идеям коммунизма. Победу определила ненависть народа к захватчикам... Победу определила стойкость Красной Армии и ее военачальников. Мы добились мира, передышки.

Прошло почти два десятилетия. Мы строили социализм. Советский народ ощутил всю прелесть полной духовной свободы, творил свое государство, познавал ширь и богатства родной страны, раскинувшейся от серо-голубой Балтики до Берингова пролива. Наша страна хотела мира, ценила и оберегала его. На XVII с'езде партии товарищ Сталин открыто предупредил народ о воинственных замыслах Германии.

Война грянула. Германские военные специалисты и англо-американские публицисты и «наблюдатели» полагали, что Красная Армия будет разбита в шесть-восемь недель.

Они просчитались.

За честь Советской державы, за ее права, за ее интересы, за ее земли, за ее будущее встал на бой весь народ. Мы не сомневались в победе. Мы знали, что нам защищать. Народ верил в свою индустрию — сильнейшую в Европе. Народ верил в свое коллективизированное хозяйство — сильнейшее в мире! Мы видели новое, здоровое поколение — своих сыновей и дочерей — и верили в них... Мы глубоко, чисто, сильно, нежно любили свою Родину.

Красная Армия, в которой партия сумела сохранить и развить все живые, лучшие традиции славных дней Октября и гражданской войны, вступила в борьбу... В критические дни враг развернул против нас 240 дивизий. Мировая пресса толковала об армии Гитлера, как о «самой сильной и совершенной армии мира».

Они ошибались, эти публицисты, «наблюдатели», штабисты из разных стран Европы.

Сильнейшей армией мира с 1918 года была и остается Советская Армия — армия сознательных, культурных граждан, ведущих великую историческую борьбу за высшие цели: **за коммунизм!**

1417 дней шла Великая Отечественная война нашего народа против гитлеровской Германии и ее сателлитов.

Пограничники наши небольшими заставами принимали бои против танковых дивизий. Пехота наша билась и фронтально, и при охвате с фланга, и при охвате с обоих флангов, и в полном окружении...

Морские пехотинцы удерживали гитлеровские механизированные корпуса. Стрелки бестрепетно встречали немецкие танковые волны...

Двадцать восемь панфиловцев стойко принимают удар 50 немецких танков. Гибнут, но не дают врагу прорваться. Враг захлестывает Ленинград в мертвую петлю. Под ружье встают сотни тысяч ленинградцев. Женщины создают оборонительные укрепления; заводы под обстрелом выпускают танки, орудия, боеприпасы... Артиллерия ставит неодолимую завесу перед врагом. Девять из десяти комсомольцев, взяв оружие, идут в бой... И удар врага сорван.

«Стоять насмерть!» — прозвучал клич, и мир увидел, как дерется Сталинград. Об'ятый пламенем, в потоках горящей нефти, забросанный тысячами и тысячами фугасных и зажигательных бомб, стиснутый, прижатый вражьим огнем, почти отрезанный от левого берега, Сталинград стоял с потемневшим, опаленным лицом... Оставались последние 400 метров до волжского обрыва. И Сталинград — наш солдат, наш офицер, наш генерал — устоял. Не только устоял, но и сковал врага, и уничтожил его.

Пехота Красной Армии преодолела лесные болота Волховского фронта, где людей и животных в кровь раз'едала мошкара. Пехота Красной Армии преодолевала все встречавшиеся на ее пути водные преграды.

Так рождалась Сталинская гвардия.

Дрались на море балтийцы, вырываясь из блокированного и насквозь простреливаемого Кронштадта, они появлялись в далеких бухтах Германии и беспощадно топили корабли врага... Больше миллиона тонн немецкого тоннажа «покоится» на дне Балтики.

Стреляя, давя гусеницами, шли советские танкисты вперед и вперед, оставляя следы гусениц на земле. Мы несли смерть тем, кто пришел на нашу землю незваным.

В небе была Сталинская авиация. Летчики шли на таран, когда это было необходимо. Гастелло врезался в колонну врагов и уничтожил их.

Советская Армия действовала день и ночь. У нас не было «странной войны», у нас не было перекличек с врагом, футбольных матчей, какие устраивались в 1939—40 г.г. перед линией Мажино. Мы дрались по своей традиции: упорно, зло, до конца. На передний край к бойцам приползали писари, повара, обозные, санитары. Они приползали в часы своего отдыха и вели снайперский огонь по противнику.

Земля горела под ногами врага. В лесах и долах вырастали армии советских партизан. Они насчитывали сотни тысяч бойцов. Взрывались и в прах обращались эшелоны врага. Пылали немецкие «хозяйства», склады и комендатуры. Стратегические немецкие трассы оказывались перерезанными как раз в канун важнейших операций Гитлера, как это было в канун его удара по Орловско-Курской дуге.

Дрался с врагом весь советский тыл! Рабочие строили новые гигантские заводы на Востоке. Стояли лютые уральские, сибирские морозы...

Народ был единодушен в своей борьбе, в своих мыслях, в своих надеждах, — единодушен и тверд. И нет таких взрывчаток, — неатомных и атомных, — которые могли бы отщепить хотя бы частицу от этой твердости.

Народная твердость питала Советскую Армию. Наказы и письма отцов и матерей — миллионы и миллионы простых писем — шли на фронт. Наши музеи хранят эти письма, порой окрашенные кровью. Они взяты с убитых бойцов.

И снова в рядах Советской Армии впереди всех шли коммунисты. Их пример, их решимость, их волевая активность, душевная ясность, горячий порыв делали чудеса... В трудную минуту, когда адовый огонь вжимал в землю ряды наступающих, в минуту, когда выбывали командиры,— вставал рядовой коммунист, и повелительный клич: «Товарищи, вперед! За Родину! За Сталина!» — врывался в грохот боя. Наступление продолжалось.

Миллионы и миллионы таких людей вырастила наша Родина!

Это — новые люди, люди социалистического общества.

* * *

Советская Армия отметила 30-летие своего существования. Праздник этот народный в самом глубоком смысле этого слова. Это праздник красногвардейцев — участников первых битв; это праздник первых добровольцев, которых благословили и напутствовали Ленин и Сталин в 1918 году; это праздник тех, кто прошел Сибирь и Дальний Восток, тех, кто прошел Юшунь и Чонгар, кто бился на Волге, кто отстаивал Петроград и Ленинград. Это праздник тех, кто работал на свою армию, кто дал ей пищу, оружие, обувь, одежду, медикаменты, книгу, бумагу.

Это праздник всех трудящихся, ибо все создавали армию, трудились на армию.

Сейчас мирные дни. Но в праздник Советской Армии мы повторяем: будем бдительны, окружим любовью и заботой свою родную армию.

Приветствуя ее, целуя солдат, офицеров и генералов русским троекратным поцелуем, мы скажем:

— Поздравляем и за все от сердца благодарим. Будем в полной боевой готовности.

В ответ мы услышим твердое: «Готовы!»

* Ленин, том XXII, стр. 154.

Михаил САДОВЯНУ

Оплот мира

История создания Советской Армии возвращает нас к героическим, легендарным временам, когда трудящиеся России взяли в руки оружие, чтобы защитить завоевания революции.

Неукротимая энергия двух великих вождей — Ленина и Сталина и воодушевление, доходившее до самопожертвования, восполнили на первых порах техническую слабость этого народного войска. В февральские дни 1918 года — дни создания Красной Армии — Советская Россия была об'явлена в опасности: с одной стороны ей угрожали немцы, с другой—отборные войска, находившиеся на службе крупного капитала Запада. Советская страна испытывала огромные затруднения во всех областях хозяйственной жизни. Тогда было доказано, что духовная сила народа может одержать верх и над распоясавшейся реакцией, и над неодолимыми крепостями, и над численным превосходством врага.

На всей территории — от далекой Сибири и до западной границы — на защиту родной земли встали люди типа Ильи Муромца, как некогда они вставали против татар хана Батыя, а позже против Наполеона. Народы свободных советских республик, независимо от их национальности, сплотились под знаком Победы.

Во имя Победы бойцы Красной Армии подчинялись железной дисциплине, не колеблясь жертвовали собой. В последующие годы благодаря достижениям страны социализма в области техники они получили все необходимое для современных войн. И сейчас Советская Армия является непобедимой армией трудящихся. Она — оплот мира, звезда эпохи новой цивилизации.

В какую мощную силу превратилась народная армия Октябрьской революции, можно судить по последней войне. После многолетней методической подготовки, после того как были приведены в действие все ресурсы «третьей империи», Гитлер двинул на Советский Союз наиболее грозное в численном отношении и с точки зрения подготовки войско, какое когда-либо знала история человечества. Монгольское нашествие было страшным; но гитлеровское покушение — это была тотальная война с тем чтобы путем колоссальных опустошений и массовых убийств завладеть обширными пространствами на Востоке.

Летом 1945 года, проезжая из Москвы в Ленинград, я видел, что представляют собой нацистские методы ведения войны. Кругом — руины. Если бы это не видели мои глаза, разум никогда не смог бы представить себе подобных ужасов, подобного зверства.

И тем не менее Ленинград и Москва остановили атаки вражеских полчищ, а Сталинград означал начало конца гитлеризма. Как по волшебству, все изменилось — в самый ответственный момент для истории свободолюбивого человечества Советская Армия отбросила немецкую лавину. Она без устали давила, перемалывала и рассеивала гитлеровские орды. Все приведенные в действие механизмы с лихвой ответили варварской технике вторжения: на суше—пушки и танки, в воздухе — авиация. Шаг за шагом неутомимая советская пехота гнала назад немецкие колонны на фронте, протяжением в несколько тысяч километров, простирающемся от Белого до Черного моря.

После того как гитлеровские орды были изгнаны из пределов советской земли, их погнали дальше: Советская Армия освободила страны и народы Дунайского бассейна; была освобождена и моя страна — Румыния.

Дни сменялись днями, победы — победами. Армии сталинских маршалов остановились лишь в берлоге тевтонских волков. Это была самая величественная оборонительная война и наиболее суровое наказание, данное агрессору, какое когда-либо знали анналы человечества. Поэтому о столь известных фактах румынскому писателю хочется еще раз напомнить словами, присущими эпопее.

В одно из июньских воскресений 1945 года я присутствовал в Москве на Красной площади на празднике в честь Армии-победительницы. Я пережил тогда незабываемое волнение. В течение четырех часов триумфальным маршем проходили части всех родов войск. На мавзолее Ленина находился Сталин, окруженный своим генеральным штабом. Отряд бойцов принес к подножью мавзолея завоеванные гитлеровские знамена, склонив их перед гениальным вождем советских народов.

Москва вышла на праздник. Воодушевленное светлым чувством население советской столицы заполнило соседние с Кремлем площади и улицы. Это были десятки и десятки тысяч трудящихся. Они были охвачены оправданной радостью, и тем не менее во всем их облике, как и в параде войск, сохранялась волнующая серьезность. Во всем как бы чувствовалось понимание ответственности перед будущим не только народов Советского Союза, но и будущим всего человечества.

Я был проникнут особым чувством; это было откровением для меня.

БУХАРЕСТ.

К столетию «Манифеста Коммунистической партии»

ЛЕКЦИИ ДЛЯ ПРОПАГАНДИСТОВ И АГИТАТОРОВ

В Партийном кабинете МК и МГК ВКП(б) для агитаторов и пропагандистов столицы проведен цикл инструктивных докладов и лекций, посвященных 100-летию со дня выхода «Манифеста Коммунистической партии».

С первым докладом на эту тему выступил академик М. Митин. Преподаватели социально-экономических дисциплин в высших учебных заведениях Москвы прослушали лекцию доцента М. Макаровой «Воплощение «Манифеста Коммунистической партии» в социалистическом строительстве СССР». Доцент Б. Пономарев прочитал для докладчиков по международным вопросам лекцию «Манифест Коммунистической партии» и борьба компартий за национальную независимость и суверенитет своих стран».

В Партийном кабинете организована выставка, посвященная «Манифесту», и установлен красочный стенд, дающий интересные сведения об изданиях в СССР этого программного документа марксизма.

ВЫСТАВКА В БИБЛИОТЕКЕ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

Научная библиотека им. А. М. Горького при Московском государственном университете готовит большую выставку, посвященную 100-летию «Манифеста Коммунистической партии».

В витринах выставки будут размещены все издания «Манифеста» на русском языке, хранящиеся в библиотеке. Большой интерес представляют издания, вышедшие в 1905 году под различными названиями. В одном из них, выпущенном одесским книгоиздательством «Буревестник», по настоянию цензуры была опущена вводная часть «Манифеста» — «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма».

Посетители выставки увидят также около двух десятков изданий «Манифеста» на языках народов СССР и иностранных. Среди последних—редкое английское издание «Манифеста», вышедшее в 1888 году в Лондоне в переводе, под редакцией и с предисловием Ф. Энгельса.

Ряд материалов выставочной экспозиции даст представление о преследованиях, которым подвергался «Манифест» в царской России, и о страхе, который внушал царским чиновникам этот гениальный труд основоположников научного коммунизма. Обращает внимание текст отношения (4 января 1914 года) петербургского градоначальника главному управлению по делам печати. В отношении сообщалось об уничтожении «посредством разрывания на мелкие части» арестованных экземпляров «Манифеста», изданного товариществом «Знание».

Любопытен и другой документ, относящийся к 1872 году, — заключение цензора Есипова о необходимости запрещения в России первого (лондонского) издания «Манифеста». В своем заключении Есипов пишет: «Рассмотренный нами Манифест Коммунистического Союза если не проповедует тех ужасов разрушения, которыми ознаменовалась деятельность Международной ассоциации рабочих в Париже, то тем не менее он бросил ее семена на производительную и восприимчивую для всякого беспорядка почву пролетариата, которые возросли, созрели и принесли свои плоды в последних ее проявлениях».

В витринах выставки экспонированы также тексты приговоров судебных палат царской России и сената об уничтожении различных русских изданий «Манифеста».

ВЕЧЕР ПАМЯТИ А. Н. ТОЛСТОГО

Вчера литературная общественность Москвы отметила третью годовщину со дня смерти Алексея Николаевича Толстого.

Вечер, устроенный в Центральном Доме литераторов президиумом Союза советских писателей, открыл Н. Тихонов. Он охарактеризовал А. Толстого как большого художника, глубоко связанного всей своей жизнью и творчеством с русской землей, с русской литературой.

С воспоминаниями о писателе выступили И. Эренбург, М. Чарный, режиссер Н. Петров и другие.

Внимание собравшихся привлекла выставка произведений А. Толстого. Они выдержали 472 издания на 32 языках народов СССР тиражом—13.681 тысяча экземпляров. За рубежом произведения писателя выпускались 70 раз в 17 странах.

СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ А. Н. ОСТРОВСКОМУ и В. Г. БЕЛИНСКОМУ

БАКУ. (От наш. корр.). Совет Министров Азербайджана учредил республиканские комитеты по проведению 125-летнего юбилея со дня рождения А. Н. Островского и 100-летия со дня смерти В. Г. Белинского.

К юбилею А. Н. Островского Азербайджанское государственное издательство выпустит первый том (из трех намеченных) с переводами пьес великого русского драматурга.

В том же издательстве выйдет сборник (18—20 печатных листов) избранных произведений В. Г. Белинского. Сборник философских работ гениального критика выпустит также Академия наук Азербайджанской ССР.

В апреле Академия наук проведет сессию, посвященную жизни и творчеству А. Н. Островского, в июне — сессию, посвященную 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского.

ПРЕДАТЕЛИ

ЛЕОН БЛЮМ

Рис. Н. ЛИСА.

Он не является в настоящее время членом правительства, не состоит в числе тех, кто официально вершит ныне судьбами республики. Тем не менее, имя его попрежнему прочно занимает одно из первых мест в списке предателей, которые, как сказано в декларации представителей девяти компартий, «своим раболепием и угодливостью облегчают задачу американского капитала, провоцируют его на вымогательства и толкают свои страны на путь вассальной зависимости от Соединенных Штатов Америки».

Еще Ромэн Роллан показал нам его в «Ярмарке на площади»: «Вкрадчивая речь, изящные манеры, тонкие и мягкие руки, таявшие в чужой руке, Люсьен Леви-Кер, социалист... Люсьен Леви-Кер не один подтачивал социализм. Социалистические газеты были полны этими людишками...»

Каждый грамотный человек во Франции знает, что Ромэн Роллан вывел под именем Люсьена Леви-Кера — Леона Блюма, которого он лично знал еще со школьных лет.

Немало времени прошло с тех пор, как Роллан набросал этот портрет. И за эти годы человек, явившийся прообразом для создания классического портрета социал-фарисея, сделал громадную карьеру.

Отпрыск разбогатевшего буржуа из Эльзаса, расторопный банкирский сынок, пришел к «социализму», как он сам выражается, «после длительного инкубационного периода». Но, созрев, он успел проявить себя очень разнообразно. Был начальником кабинета министра Марселя Самба, крупного миллионера; выходя на политическую арену, подвизался также и возле сцены театральной, пописывая рецензии в «Матэн», «Ля Ревю бланш», а также сочинил трактатец о браке...

Десять лет подряд Леон Блюм старательно демонстрировал свою «близость» к Жану Жоресу. Это обстоятельство не может бросить тень на память этого трибуна, но и не делает светлее облик Леона Блюма, который ловко использовал знакомство с Жоресом для облегчения своей политической карьеры. Он и сейчас любит время от времени произносить на могиле Жореса демагогические речи, становясь в позу поборника мира и пытаясь раскатами благостно-либеральных тирад заглушить подозрительный лязг, явственно слышимый из некоей заморской пасти, чей жадный оскал Блюм хочет выдать за тихую улыбку сострадания к бедам Европы.

Почти тридцать лет назад, в 1919 году, Блюм был впервые избран депутатом палаты. Тонкий, «девический», как назвал кто-то голос Блюма, раздавшийся под сводами Бурбонского дворца, обласкал слух благонамеренных социалистов. Им пришлись по вкусу и длинное нервное лицо, и гибкие фразы Блюма, и профессорско-адвокатская внешность его, и кружевной платочек, в нужную минуту вытягиваемый из-под манжеты и грациозно порхающий над обвисшими усами. Социалистов палаты приводила в восторг способность Блюма смягчать жесткость любого, самого острого вопроса, сбитым пухом легких фраз заполнять пустоту парламентского красноречия и сохранять равновесие на любой наклонной плоскости.

Его признали лидером социалистической фракции.

Однако усы господина Блюма, социалиста, становились похожими на клыки рассвирепевшего моржа всякий раз, когда надо было подточить силы рабочего класса Франции, урвать еще что-нибудь у французского народа и обрушиться с очередной клеветой на коммунистов. Стоит вспомнить, как он сколотил вокруг себя правое меньшинство на конгрессе в Туре, в 1920 году, когда большинство потребовало присоединения к Коммунистическому интернационалу. Куда делись разом изящные манеры господина Блюма, его изысканные речи! Он повел яростную борьбу против левых, начал отвратительную травлю против Советского Союза и расколол движение. Субсидия, щедро предоставленная жуликоватым банкиром Устриком, дала Блюму возможность основать демагогическую, брехливую и вертлявую газету «Попюлер», которую он редактирует и по сей день.

Блюм хорошо разбирается в делах финансовых; будучи человеком светским и универсальным, он долгое время состоял юрисконсультом и акционером универсального магазина «Галлери Лафайэт», процветая одновременно на нивах словесности, политики и коммерции. Правда, не все обходилось гладко. Банкир Устрик оказался мошенником, возникло скандальное дело. Блюму пришлось публично признаться в получении денег от афериста. Но, как во всяком хорошо подобранном буржуазном парламенте, дело обошлось...

В июне 1936 года Леон Блюм добрался до «высшей власти». Опираясь на победу партий народного фронта, он сформировал правительство и стал премьер-министром Франции. Воцарение его на этом посту ничуть не встревожило правые круги. Леон Блюм давно уже прославился так называемой «синтетической стратегией» — умением находить формулы, приемлемые и примиряющие. Социалист Блюм с лихвой оправдал надежды правых, хотя и произнес сперва в палате несколько громких «левых» речей. Он быстро об'явил передышку, антракт в осуществлении торжественно декларированной программы, отказался от обложения крупной буржуазии, как этого требовали коммунисты. Его махинации по обесценению франка жестоко ударили по трудящимся, но оказались выгодными для спекулянтов золотом, держателей иностранной валюты и прочих биржевых ловчил. Под сенью этого «социалистического» правительства свободно действовали банды кагуляров, открыто выступали и бесчинствовали подонки из шайки Дорио, устроившие в пролетарском предместье Парижа — Клиши провокационное побоище, в котором двести рабочих было ранено, а семеро убито. Побоище это было откровенно спровоцировано полицией. Убийцы остались безнаказанными.

Блюм!.. Я сам слышал и никогда не забуду, как презрительно звучало это имя в 1936 году в устах моряков, рабочих и солдат Испанской республики. Плевок и оплеуха слышались в нем одновременно, когда это имя произносили испанские демократы. Это он, Леон Блюм, первый провозгласил постыдный, лицемерный принцип «невмешательства». Как он хитрил, в какую мерзкую казуистику пускался, чтобы за ворохом международных документов и деклараций скрыть свой подлый сговор с английскими консерваторами! Социалиста Блюма насмерть перепугало тогда знамя свободы и демократии, поднятое за Пиренеями молодой Испанской республикой. Пока он своим вкрадчивым, девическим голоском вещал о принципах «невмешательства» и пытался своей болтовней усыпить совесть Европы, фалангисты Франко, беспрерывно вооружаемые с ног до головы германскими и итальянскими фашистами, расправились с испанским народом. Кровь лучших людей Испании, кровь матерей и ребятишек Мадрида навсегда запеклась на имени Леона Блюма, на его длинных жилистых руках, которыми он так выразительно жестикулирует, стоя на трибуне Бурбонского дворца.

Да, он потом признал «большой ошибкой» это совершенное им преступление. Старый лицемер, политический канатоходец, неисправимый ханжа, он любит каяться. Публичное покаяние, запоздалая слеза в кружевной платочек — один из любимых демагогических приемов Блюма. Он каялся, что ошибся вместе со всей социалистической группой палаты, одобрив позорное соглашение Лаваля с Муссолини, отдавшее Абиссинию на растерзание итальянскому фашизму. Он каялся потом и в мюнхенском сраме, признав спустя некоторое время, что и это была «ужасная ошибка».

Гитлер решил временно законсервировать Блюма, полагая, что этот может еще пригодиться... После балагана в Риоме, выспренно переименованного в «Риомский процесс», Блюма препроводили в Тироль, где ему был уготован весьма комфортабельный «концлагерь» в роскошной вилле на лоне природы. Тут же был и другой «страдалец за правду народную»— Даладье. Оба почтенных «узника фашизма» отлично скоротали там срок своего вполне безопасного заключения. Даладье предавался спорту, Блюм — пописывал.

В дни, когда газ душегубок и дымная гарь исполинских крематориев, где усовершенствованно сжигались миллионы безвинных людей, отравляли воздух Европы, в дни, когда лучшие сыны Франции, преданной Блюмом и Даладье, героически сопротивлялись фашистскому удушью, Леон Блюм кропал на свежем тирольском воздухе бесстыдно-клеветнические книжонки, в которых то каялся, то оправдывался, то сам пытался обвинять...

Кого же посмел обвинить старый лицемер во всех бедах Франции? Кого? — спрашиваете вы...

Во всех военных несчастьях Франции Блюм осмелился обвинить... рабочий класс! Блюм обвинил рабочих «в отсутствии великодушия, благородства, величия, бескорыстия, способности жертвовать для общего блага». Желание унизить рабочий класс, жалкие попытки во что бы то ни стало и любой ценой обелить себя, нагло и бесстыдно свалив вину за военный позор Франции на коммунистов, коварная и подлая клевета на Советский Союз — вот чем полны обе книжки Блюма, выпущенные им в свет после пребывания в «концлагере». И недаром одну из этих книжек — «История рассудит» — охотно снабдил своим предисловием такой фашистский авантюрист, разведчик и матерый поджигатель войны, как Вильям Буллит. Вот чья виза стоит сегодня на высказываниях Леона Блюма! И когда теперь, после всех тяжких испытаний, пережитых народами Европы, заокеанский бизнесмен-благодетель норовит приковать Францию цепью к своей тачке, каждое звено этой цепи отзывается для французского народа тусклым каторжным звоном: Блюм... Блюм...

Да, Блюм сейчас официально не занимает руководящего поста в правительстве Франции. Но редактируемая Блюмом газета «Попюлер» тискает одну за другой статьи его, где он попрежнему сочетает «красоту» высокого слога с самым низким предательством, игру в демократизм — с трусливой ненавистью к своему народу, шумное, многословное «миролюбие» — с откровенной поддержкой и защитой империалистов.

Имя Леона Блюма очень популярно на Уолл-стрит. Там хорошо помнят, что когда американцам понадобилось установить свой контроль над французской автомобильной промышленностью, они тотчас пригласили к себе за океан Блюма, зная, что с этим «социалистом» договориться нетрудно. И они не ошиблись. Захотели американские экспортеры быть хозяевами на сельскохозяйственных рынках Франции, пожелали, чтобы ни один злак не рос на полях Франции без особого на то заокеанского разрешения, — опять Блюм тут как тут! Решили американские кинокороли заполнить своей продукцией французские экраны — и в этом им помог не кто иной, как Леон Блюм. Чуть ли не ежедневно распинается он на страницах «Попюлер», умиляясь «щедрости» и «благожелательности» Маршалла, восславляя «доктрину Трумэна» и призывая прекрасную Европу довериться нагло уставившемуся на нее из-за океана американскому быку...

Готовясь заранее оправдать предательство, которое лишит Францию ее подлинной национальной независимости, Блюм сладкоречиво воспевает бескорыстие американцев и возмущается «грубым отказом» Советского Союза, не пожелавшего стелить по Европе коврики под ноги американским монополистам.

Впрочем, в последнее время старый фигляр обогатил свои аксессуары некоторыми новинками. Среди них особое место занимает «теория» так называемой «третьей силы». Это блюмовское изобретение употреблялось прежде, главным образом, во внутренней политике. «Социалистическая партия является основой политического равновесия»,—вещал Блюм. Испытанный политический канатоходец ловко балансировал, держа в руках по жупелу, которыми он до сих пор пытается стращать общественное мнение Франции. В правой руке у Блюма пугало-полишинель в виде де Голля, против которого, якобы, борется Блюм, не так еще давно прославлявший «бескорыстную мудрость» де Голля и создавший ему политическую рекламу. В левой руке у жонглера Блюма—«красная опасность». Блюм каждую проблему, касающуюся международного положения Франции, провокационно сводит к формуле: «За коммунистов или против них», в то время как каждый честный француз понимает, что вопрос стоит так: «За Францию или против нее».

«Третья сила» — это ширма, за которой можно обнаружить полнейшее согласие и полугласный сговор Блюма и де Голля в основных вопросах сегодняшней политики и — прежде всего — по части передачи Франции в руки американских банкиров. Блюм уже открыто стакнулся на последних муниципальных выборах с деголлевцами. Резиновая, усиленно рекламируемая Блюмом позиция «третьей силы» — это очень удобная эластичная шина, при помощи которой Блюм старается сделать мягким и бесшумным грубый накат заокеанского доллара, готового подмять под себя Францию.

Дряхлый, но неугомонный словоблуд опять придумал формулу «синтетическую»... И вот понятие о «третьей силе» уже становится, с легкой руки Блюма, неким международным понятием. Удобную идейку Блюма приветствовали по ту сторону Ламанша Эттли и Бевин. И, откликаясь на это признание, Блюм радостно и громогласно заявляет: «Это в действительности означает присоединение лейбористского правительства к идее и системе международной третьей силы...»

Выразительницей этой «третьей силы» является, как провозгласил Эттли, «старая Европа». Отныне, по новоиспеченному проекту Блюма и Эттли, «старая Европа» должна плыть, подняв рядом с английским лейбористским и французским республиканским флагом запятнанные кровью и позором флаги франкистской Испании и свежевыкрашенный на американские деньги флаг греческого тирана Цалдариса... Вот кого об'единяет «третья сила», вот лишь кого она принимает в лоно «старой Европы». И прежде всего «третья сила» готовит «старую Европу» к тому, чтобы все флаги ее рабски склонились перед полосатым американским флагом.

Вот почему Блюм направляет острие «третьей силы» против Советского Союза, упорно пытаясь опорочить прогрессивную роль СССР в послевоенном переустройстве Европы. Еще накануне речи Маршалла, в которой им был изложен проект «помощи» Европе, Блюм писал, что восстановление Европы необходимо осуществить без участия Советского Союза. Брызжа чернилами и слюной, он и сейчас назойливо бубнит о «русской проблеме», о «русской загадке».

Так, находясь в авангарде провокаторов новой войны, всеми доступными способами раскалывая единство народно-демократического движения, подрывая демократические устои организации Об'единенных наций, Блюм науськивает реакционные силы на советскую страну, народ которой своим невиданным героизмом и вдохновенным трудом избавил человечество от прямой угрозы фашистского рабства. В то же время он называет хищное наступление американского капитала на Европу «мирным ленд-лизом», а биржевиков Уолл-стрит уже окрестил «мирными империалистами», в святом бескорыстии которых он ни минуты не сомневается.

Но как бы ни балансировал старый канатоходец над пропастью, к которой он обеими руками подталкивает Францию, какими бы элегантными фразами ни прикрывал он все явно подозрительные места в американском плане «мирного ленд-лиза», как бы ни восторгалась его деяниями реакционная пресса, уже провозгласившая Леона Блюма «гражданином Соединенных Штатов Европы», — рабочие Франции и миллионы трудовых людей во всем мире не забыли уничтожающего определения, которое еще в 1940 году дал Блюму Морис Торез: «Блюм соединяет в себе страх Мильерана перед социализмом, жестокость Пилсудского, трусость кровавого пса Носке и ненависть бандита Троцкого к Советскому Союзу».

Таков «синтетический» портрет господина Блюма.

Лев КАССИЛЬ

Правительство де Гаспери об'явило набор бывших солдат фашистской армии Муссолини в так называемый «корпус общественной безопасности». Эти фашистские бандиты вооружаются американскими танками, броневиками, пулеметами, которые пускаются в ход против прогрессивных и демократических сил итальянского народа с целью запугать их накануне выборов и спровоцировать беспорядки и волнения.

Фашистские головорезы де Гаспери расползываются в городах и деревнях Италии.

Мы публикуем снимок, напечатанный в американском реакционном журнале «Ньюс-уик», изображающий момент ареста фашистскими головорезами из корпуса безопасности итальянского крестьянина якобы за сокрытие от властей кукурузы.

Гитлеровцы на службе у Шумана

Буржуазная французская пресса старательно умалчивает о событиях, происходящих во Французском Индо-Китае, о подлой политике шумановского правительства, решившего любой ценой сломить сопротивление индокитайского народа, раздавить республику Вьетнам и возвратить на трон бывшего императора Аннама Бао Даи.

Тем более интересны и ценны те немногие скупые сообщения, которые доходят до нас из Индо-Китая с большим опозданием.

Недавно в Париж прибыл из Индо-Китая один молодой француз. Вот что он рассказал в газете «Монд» об обстановке в столице Индо-Китая — Сайгоне.

«Сайгон — это настоящий ад.

Легионеры, колониальные войска, моряки и вообще военные, получающие плохое и нерегулярное питание, устраивают в городе всякого рода дебоши и грабежи. Европейские и туземные граждане не решаются по вечерам выходить из дома, боясь быть ограбленными военными на улицах или же по возвращении найти дом опустошенным...

Особенно нагло ведут себя немцы — гитлеровские штурмовики, находящиеся на службе во французском иностранном легионе. Они ничуть не скрывают свою ненависть и презрение к французам. Нередки случаи, когда француз, идущий по тротуару, получает неожиданный удар от кого-нибудь из этих немецких фашистов, бывает, что ему всаживают в спину нож.

Даже индокитайцы, которые учились в наших лицеях и университетах и овладели французской культурой, презирают нас.

Вот что говорят они нам на правильном французском языке: «Вы бросили против нас легион бошей и сами ведете себя, как боши. Вы очень много говорите о своей деревне Орадур, которую эсэсовцы сравняли с землей после того, как уничтожили ее жителей. Но у нас насчитываются сотни таких орадуров, и это сделано вами».

Французское правительство совершает в Индо-Китае ошибку за ошибкой. Но американцы потирают от удовольствия руки, выжидая момент, когда можно будет выгнать нас оттуда, как это уже было сделано в Леванте...»

К рассказу молодого француза можно добавить следующее.

Сопротивление индокитайского народа срывает планы Робера Шумана, авантюра которого слишком дорого обходится Франции. Уже истрачено более 100 миллиардов франков. Уже убито больше 8 тысяч французов.

Верховный французский комиссар в Индо-Китае Боллаэрт по пути из Парижа в Сайгон заехал в Женеву, где вел переговоры с бывшим императором Аннама Бао Даи, которого французские политики рассчитывают вновь водворить на трон. В свое время Бао Даи заигрывал с Японией. Теперь он пользуется покровительством небезызвестного международного авантюриста, злобного врага демократии Буллита, который сказал, что был бы очень рад соглашению между Бао Даи и Францией. Любовь Буллита к Бао Даи вполне понятна: экс-император мечтает вернуть Индо-Китай к его «конфуцианским традициям» и «вырвать с корнем плевелы коммунизма и демократии».

По пути в Сайгон верховный французский комиссар посетил также Рим. Боллаэрт был принят папой. Святой отец озабочен участью индокитайских католиков, но особенно его волнует судьба обширных областей, которыми владеют иностранные католические миссионеры. Рассеяв, видимо, опасения папы, французский сановник в свою очередь попытался заручиться поддержкой Ватикана.

Французское правительство, запятнав себя кровью индокитайского народа, старается водворить на престол марионетку Бао Даи. В Париже совершен очередной позорный акт: арестован представитель правительства Хо Ши-мина во Франции. А на индокитайской земле французские солдаты повторяют те же преступления, которые совершали во Франции гитлеровцы.

ЖАК ле ЖАК

ПАРИЖ.

Факты без комментариев

АТОМНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Американский журнал «Сатердей ивнинг пост» об'ясняет быструю карьеру главы комиссии по контролю над атомной энергией Керолла Вильсона тем, что «его энергия и предприимчивость, несомненно, отмечены атомом». Вследствие этого Вильсон получил кличку «атомного молодого человека».

ФАШИСТСКИЙ ГЛАВАРЬ НА СВОБОДЕ

Итальянская газета «Република» сообщает, что бывший генеральный секретарь итальянской фашистской партии Альдо Видуссони находится в настоящее время на свободе в Сардинии и используется в качестве...землемера!

«САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ»

По сообщению журнала «Ньюс уик», десятилетние школьницы в Нюрнберге (американская зона оккупации) получили задание от своих учителей — написать традиционное в германских школах сочинение на тему: «Самый счастливый день в моей жизни». В сочинении одной из учениц содержалось такое краткое, но довольно выразительное признание: «Самый счастливый день в моей жизни—17 февраля 1947 года, когда умер мой брат и я получила в наследство его ботинки и шерстяное белье».

ЛЕЙБОРИСТЫ РЕКЛАМИРУЮТ ФАШИСТА МОСЛИ

Журнал английских лейбористов «Трибюн» поместил недавно кричащую рекламу о книгах и брошюрах, изданных «Организацией по продаже литературы», во главе которой стоит Рейвен Томпсон, правая рука «фюрера» английских фашистов Мосли. В перечне рекламируемых изданий аккуратно приведены брошюры самого Мосли.

ДОЕЗДИЛИСЬ

Очередной сенсацией Кентукки (США) является скаковая лошадь «Вони», получившая звание «почетного гражданина города Лексингтона». Как сообщает журнал «Тайм», конюхи, ухаживающие за лошадью, разбогатели, продавая волосы из хвоста «почетного гражданина» посетителям рысистых испытаний.

«ТРАМВАЙ, ЗОВУЩИЙСЯ ЖЕЛАНИЕМ»

В Америке идут сейчас две пьесы нового «светила» драматургии Теннесси Вильямса — «Трамвай, зовущийся желанием» и «Лето и курение». Когда автора попросили пояснить замысел, положенный в основу столь оригинально названных пьес, он заявил: «Пожалуй, мое подсознание могло бы это сделать, я же не смогу». На вопрос корреспондента «Нью-Йорк таймс мэгэзин» — кого он считает наиболее многообещающим из современных американских драматургов, Вильямс скромно назвал... самого себя.

АСФАЛЬТОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЖИВОПИСИ

Как сообщает французская газета «Самди суар», в Париже сейчас в большой моде художник Дюбюффэ, который пишет свои картины... коровьим пометом, гравием и грязью. Эти «произведения искусства» выставлены в настоящее время в одной из крупнейших картинных галлерей французской столицы «Галлери Друэн». По словам Дюбюффэ, в основу своего «творчества» он положил рисунки, которые обычно дети рисуют мелом на тротуаре, что и дало ему «основание» назвать свое «направление» «асфальтовым».

ИЛЛЮЗИИ И ГОРЬКАЯ ПРАВДА

Среди руин ползают какие-то странные человекоподобные существа. Согласно авторской ремарке — «все персонажи как будто только что пережили чуму, голод, пытки и истерзаны невежеством, несправедливостью, бесчеловечным обращением и безумием...» Так описывает современную Америку Вильям Сароян в своей новой пьесе «Джим Дэнди».

Пугливо озираются болезненные «пещерные дети». Получеловек-полуобезьяна, пыхтя трубкой, силится читать книгу. Загадочная личность восточного типа продает народу «мистические тайны» — пять центов за порцию (в следующем действии он по той же цене торгует сливочным мороженым). «Все, все распалось на части», — жалуется кто-то. И сквозь беспросветную мглу отчаяния раздается детская песенка:

Папа в тюрьме сидит,
Маму выпустили под залог,
Детка на углу улицы просит:
«Купите нашу кошечку!»...

— А вот есть в Вашингтоне Белый Дом, президент, сенат, палата представителей... — рассказывает один.

— Это, должно быть, где-то очень далеко, — замечает другой. — Но чем же занимаются сенаторы?

И ему об'ясняют: «Во-первых, маринуют законы, во-вторых, стараются, чтобы их переизбрали в сенат»...

Сароян решил указать американскому народу спасительный выход. «Проснитесь! — взывает герой его пьесы Джим Дэнди, — перестаньте жить, как мыши и вши!» И когда один из персонажей пьесы уныло вздыхает: «Настал конец мира!» — он слышит в ответ слова: «Ошибаешься, друг! Это не конец мира, а только его начало». Недаром вся пьеса, как указывает автор, происходит «внутри скорлупы огромного яйца». Но где же выход? Какой же птенец, в конце концов, вылупится на свет новой жизни из этой скорлупы?

Оказывается, дело необычайно просто. Стоит только вообразить, что жизнь — «игра», большой спектакль и самому стать его участником, как все вопросы решатся с удивительной легкостью.

Вот, например, выходит на улицу один из бесчисленных «маленьких» американцев, разбитых нуждой и невыносимыми условиями труда. Лица его касаются холодные хлопья снега. Но достаточно ему вообразить, что эти хлопья «целуют его лицо», и он будет счастлив. В том, что он обязательно будет счастлив в течение всей пьесы, клянется и божится, бия себя в грудь, Вильям Сароян. Он клянется, что люди начнут принимать воду за драгоценное вино и, как в евангелии, несколькими хлебами насытятся великие толпы.

Итак, ура, да здравствует иллюзия! Пусть томятся в бедности миллионы людей, пусть новые, невиданные по размерам кризисы создадут огромные массы безработных, — этот старый, гнилой капиталистический гибнущий мир, — старается уверить нас Сароян, — непременно, непременно будет спасен чудодейственной иллюзией!

В самом деле, к чорту все заботы, если можно есть снег, принимая его за сбитые сливки, пить воду из крана, называя ее шампанским, и сосать палочку, пуская воображаемый дым воображаемой гаванской сигары...

— Наука говорит о правде, — вещает Джим Дэнди, — но я ненавижу науку, ибо я живу чудом...

Нет, это не просто глупость и не просто пошлость! Это фабрикация сознательного обмана, которой в США занимается весьма значительное количество людей, называющих эту фабрикацию «искусством». Недаром в американских книжках и статьях по общим вопросам эстетики все чаще встречаются рассуждения о «благотворной иллюзии»...

Совсем умалчивать о правде уже невозможно. Все очевиднее становится темная изнанка американской жизни, так пестро расписанной с фасада яркими рекламными красками. Широкие круги американских зрителей все настойчивей требуют правды. Ведь не случайно, например, постановка инсценированной повести Эрскина Колдуэлла «Табачная дорога», рисующей трагическое положение мелких фермеров в штате Георгия, достигла рекорда, невиданного в анналах американского театра, выдержав свыше трех тысяч спектаклей.

На фоне буржуазного драматургического маразма выделяются пьесы прогрессивных писателей. Интересна, например, новая комедия Говарда Линдзея и Расселя Крауса, заглавие которой по контексту правильней всего перевести «Положение вещей» («State of the Union»). Действие происходит во время предвыборной кампании 1948 года. Герой комедии Грант Мэтьюз выдвинут кандидатом в президенты от республиканской партии. Он совершает «турне» по городам Америки, выступая везде с речами. Грант—правдивый и искренний человек и откровенно высказывает то, что думает. «Мы болтаем о том, что война закончилась, — говорит он,—а у нас в Америке война продолжается — гражданская война, экономическая война». Искренность Гранта не нравится заправилам предвыборной кампании. Назревает конфликт. Грант устраивает у себя обед, на который являются «тузы» американской политики. Жена Гранта Мэри с отвращением прислушивается к разговорам этих самодовольных, тупых, циничных людей. Наконец, не сдержавшись, Мэри громко обвиняет присутствующих в том, что они готовы торговать «миром всего мира» ради предвыборных махинаций, чтобы «заполучить поддержку тех, которые ненавидят русских». «Неужели же никто не имеет смелости сказать собравшимся здесь господам, — говорит Мэри,—что они готовят новую войну, неужели никто не имеет смелости ударить кулаком по столу и заставить их замолчать... Неужели вы не видите, что происходит в мире? Неужели можно доверить атомную энергию собравшимся сюда господам?»

И когда один из присутствующих политических «махинаторов» смущенно бормочет, что сюда собрались «представители»... Мэри горячо перебивает его: «Кого они представляют? Здесь нет представителей американского народа». Грант соглашается с женой. Обе партии, по его словам, «играют на худших сторонах человека... Обе партии стараются подкупить американский народ... Любой кандидат, готовый нарушить международный мир ради предвыборных махинаций, — международный преступник... Мы должны двигаться вперед к новому будущему». И Грант решается действовать самостоятельно, независимо от обеих партий.

Пусть авторы этой пьесы многое еще недодумали и недосказали, все же заслуживает внимания тот факт, что драматурги, некогда получившие известность благодаря мастерски сделанной, но по существу совершенно пустой комедии «Жизнь с отцом», подошли к серьезной общественной тематике.

Но, конечно, все это — пока лишь отдельные ростки. И росткам этим трудно пробиваться на свет. Ведь только для того, чтобы сказать, что вот существует такая вещь, как реальная жизнь, и никак невозможно питаться снегом и курить палочки, — в условиях разгула американской реакции нужна большая смелость.

Американская драматургия зашла в тупик. Это все яснее осознают широкие круги драматургов, режиссеров, актеров. Честным работникам театра в США становится все невыносимей работать исключительно для «ряда лысых», как называют американские актеры первый ряд кресел, где восседают «тузы» капитала. Только развитие прогрессивных тенденций может спасти американское сценическое искусство от позорной гибели в болоте «благотворной иллюзии», из которого не дают ему вырваться темные силы реакции.

М. МОРОЗОВ

Л. КРУПЕНИКОВ

Путешествие в будущее

«На всех путях советского строительства, во все решающие дни нашей большой жизни спутником ее был газетный и журнальный очерк», — так начинается статья Мариэтты Шагинян «О советском очерке», открывающая ее книгу «По дорогам пятилетки».

Ярким подтверждением справедливости этих слов может служить умная, вдохновенная книга очерков самой Мариэтты Шагинян.

Вместе с автором мы начинаем увлекательное путешествие в будущее по дорогам пятилетки — еще не полностью сооруженным, еще только проектируемым и строящимся железнодорожным магистралям Урала, Сибири, Средней Азии.

Наблюдая на железных дорогах непрерывное движение и перемещение огромных масс металла, угля, хлеба, машин, людей, можно наглядно осознать взаимосвязь всех отраслей народного хозяйства и огромную роль социалистического планирования, рассчитанного на дальнейший небывалый расцвет нашей, советской Родины. Для этого расцвета значение железных дорог — кровеносных артерий могучей страны — исключительно велико. Не случайно так значительны затраты, предусмотренные пятилетним планом на железнодорожное строительство.

Продолжаем наше путешествие с автором. Зарисовки сибирской и среднеазиатской природы, преображаемой умелыми руками советского человека, написаны сжато и выразительно. Они сменяются историческими отступлениями и экономическими расчетами, наложенными с подлинным жаром публициста. Глубинный хлеб Алтая, уголь Караганды, руда Южного Урала, нефть Туймазы определили важную роль этих районов в системе народного хозяйства страны. Разбуженные пятилеткой новые экономические районы требуют сооружения новых железнодорожных магистралей.

Картины самоотверженного труда изыскателей, проектировщиков и строителей дорог пятилетки сочетаются с изображением работы башкирских нефтяников, сибирских хлеборобов, угольщиков Караганды. То, что рассказывает нам неутомимая путешественница и исследовательница Мариэтта Шагинян, вселяет в читателя чувство законной гордости за советских людей, за нашу Родину.

Достоинство книги Мариэтты Шагинян связано с той позицией, которую занимает автор по отношению к изображаемым ею явлениям. Государственный подход к решению любой задачи, заинтересованность во всеобщем успехе, готовность способствовать этому успеху всеми своими силами, — эти черты передового советского человека, находящие свое отражение в ряде произведений советской литературы, не могли не оказать своего влияния и на характер наиболее оперативного и действенного ее жанра — очерка.

В этом особенно легко убедиться, читая в книге Мариэтты Шагинян очерки «Изыскатели» и «Выбор варианта». Здесь речь идет о работе изыскательских партий и проектных групп, выбирающих трассу для одной из важнейших железнодорожных новостроек: Магнитогорск — Куйбышев. Возникает борьба между сторонниками разных проектов. Советский писатель, который по праву считает себя не только свидетелем и летописцем, но и участником великих работ, не может ограничиться только описанием этой борьбы. Мариэтта Шагинян вмешивается в нее. Она разбирает все три варианта: северный, южный и средний — компромиссный. Средний вариант, как это обычно бывает с компромиссом, быстро отпадает. Остаются два других. Южный обойдется дешевле, трасса его будет прокладываться в более легких природных условиях. Это-то и привлекло к нему симпатии многих работников проектных организаций Министерства путей сообщения. Но легкость южного варианта сводится на-нет одним решающим обстоятельством: он не вызовет к жизни ни одного существенно важного экономического района. Другое дело—северный вариант, трудный для строителей, нелегкий в эксплоатации, но настоятельно необходимый и для дальнейшего развития Магнитогорска, и для Белорецкого металлургического завода, и для под'ема лесного хозяйства огромного края.

Тщательно разобрав достоинства и недостатки обоих вариантов, привлекая к анализу большой экономический и статистический материал, Мариэтта Шагинян убеждается в правильности северного варианта и со всей настойчивостью советского человека отстаивает его. Она исходит не из узко технических, ведомственных соображений, а из общегосударственных, общенародных интересов. В конце очерка, ранее опубликованного в журнале «Октябрь», имеется авторская сноска: «Когда книга моя уже была набрана, из министерства сообщили, что утвержден северный вариант».

Страстное отстаивание своих взглядов приводит автора и к большой писательской удаче. М. Шагинян так излагает материал, что читатель становится активным участником спора. Весь процесс изысканий и борьбы мнений показан таким образом, что вы взвешиваете и обдумываете оба варианта, вникаете в технические и экономические особенности их, постоянно сверяетесь с географической картой. (Кстати сказать, стоит пожалеть, что книга, хорошо изданная Профиздатом, не снабжена хотя бы схематической картой железных дорог).

Умение автора в наглядной и драматической форме передать суть сложной технико-экономической проблемы и борьбы вокруг нее вызывает у читателя любой специальности много аналогий, помогает ему по-новому, свежим взглядом посмотреть на волнующие его вопросы своей профессии, обогащает и расширяет умственный кругозор читателя.

Новый послевоенный этап стахановского движения характеризуется равнением всей массы рабочих на передовиков, что хорошо проявилось в новаторской деятельности Василия Матросова, Марии Волковой, Николая Российского и многих других наших стахановцев. Это новое явление нашло яркое отражение в очерках Мариэтты Шагинян.

Многочисленные поездки по стране, знакомство с работой самых различных отраслей народного хозяйства дали автору огромный материал для обобщений, для серьезного и вдумчивого анализа основных исторических особенностей пятилетки.

Но обилие материала, насыщающее книгу до предела, имеет и свою отрицательную сторону.

В некоторых очерках увлечение техническими проблемами, вопросами экономики и истории приводит к тому, что в них не остается места для изображения человека и автор иной раз ограничивается лишь беглым перечислением не запоминающихся фамилий. Если мы всегда ярко представляем себе, что и каким образом делается, то не всегда нам бывает ясно, кем делается все это.

Это «вытеснение» человека техникой тем более досадно, что когда автор в некоторых очерках рисует образы новаторов, перед читателем возникают яркие, неповторимые в своей документальной достоверности фигуры передовых людей нашего времени, таких, например, как бакинские железнодорожники—диспетчер Янькин и инженер Бибилашвили.

В своей новаторской деятельности они не ограничились собственным участком работы, они выдвинули идею комплексного планирования, они согласовывают свою работу с деятельностью нефтяников и портовиков, и это является одним из свидетельств общего под'ема всех областей народного хозяйства, неисчерпаемой творческой активности народных масс, строящих под водительством большевистской партии коммунистическое общество.

Возросший культурно-технический уровень советских рабочих и колхозников проявляется во все более тесной связи науки с производством, во все более широком применении научных открытий и достижений в промышленности и сельском хозяйстве. И поэтому так естественно в книгу о строительстве пятилетки входит раздел, посвященный науке.

И своеобразный репортаж о сессиях Академии наук, дающий общую картину развития советской науки за последние годы, и ярко написанные портреты трех выдающихся советских ученых — ботаника Комарова, металлурга Байкова, геолога Обручева, и статья о науке и литературе — весь этот интересный и содержательный материал свидетельствует о выдающейся роли и значении передовой советской науки в нашем строительстве.

Вчитываясь в книгу, все больше проникаешься ее творческим оптимистическим духом, еще глубже постигаешь величие пройденного нами пути.

Мариэтта Шагинян. «По дорогам пятилетки». Очерки. Профиздат, 1947 г., 448. стр.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО—портрет работы народного художника Грузинской ССР Уча Джапаридзе — подарок Киевскому филиалу музея им. В. И. Ленина.

Патриотические рассказы

В белорусской прозе зазвучали голоса писателей, пришедших в литературу во время и после войны. Книга рассказов «Сад» написана Алексеем Кулаковским, который опубликовал свой первый рассказ три года назад.

Кулаковский пришел в литературу из армии. Он смотрит на жизнь глазами фронтовика. Пусть Белоруссия опустошена и разорена врагом, — советские люди не привыкли отступать ни перед какими трудностями, — республика будет восстановлена.

В рассказе «Крайняя хатка» аист вьется над обгорелым тополем, чтобы свить новое гнездо, — это символ победы жизни над смертью. «Мне почему-то подумалось, — говорит герой рассказа, — что все должно быть хорошо, если аист вернулся домой». Демобилизованный воин Нестор воодушевляет колхозников смелым планом осушить болото, чтобы насадить сад (рассказ «Сад»). Старик, у которого немцы спалили хату, находит неподалеку от деревни запасы глины и выступает инициатором строительства кирпичного завода («Микита Минаевич»). Старик меньше всего думает о себе, о своем жилье, — его волнует судьба общего дела, колхозное строительство. Героям рассказов Кулаковского присущи высокие мысли и благородные чувства.

В одном из самых сильных рассказов книги — «Немой» — перед нами встает самобытная фигура глухонемого пастуха Павла. Павел всю жизнь был одинок, сторонился людей. Война, народное горе разбудили его душу. Темной ночью он уводит от немцев колхозных коней, передает их партизанам. Чувство достоинства присуще советскому человеку: когда немецкий офицер издевается над его немотой, Павел убивает его. Заключительная сцена рассказа—расстрел немого, который «заговорил перед смертью», — написана с подлинным драматизмом.

А. Кулаковский — даровитый новеллист. Ему свойственны углубленная психологическая манера, романтическая приподнятость. Он плодотворно учится у таких мастеров белорусской прозы, как Змитрок Бядуля, Якуб Колас. Но иногда романтическая взволнованность переходит в сентиментальность (рассказ «Мой сын»), размениваегся на пустячки («Тимкова колясочка»).

Алексей Кулаковский пишет преимущественно о стариках и детях. Молодому писателю надо смелее расширять круг образов, решительнее поднимать важнейшие темы современности. Он среди других одаренных писателей Белоруссии должен помнить, что великий подвиг «республики-партизанки» в годы войны и великое чудо восстановления, творимое сегодня на полях Белоруссии, еще не нашли своего полноценного воплощения в белорусской прозе.

М. ЗЛАТОГОРОВ

Алексей Кулаковский. «Сад». Рассказы. Государственное издательство БССР. Минск. 1947 г. 104 стр. (на белорусском языке).

З. ПАПЕРНЫЙ

Покончить с буржуазными пережитками в литературоведении

«Историко-литературный сборник», выпущенный на-днях Гослитиздатом, посвящен важным вопросам русской литературы XIX века и фольклора: возникновению и развитию русского эпоса, историческому роману Пушкина, социально-освободительной и патриотической темам в творчестве Лермонтова («Вадим», «Бородино»), значению «Евгения Онегина», «Героя нашего времени» и «Мертвых душ» в развитии русского романа, проблеме развития национальной культуры в 40-е годы, теме народа в творчестве Л. Толстого. Авторы статей — в большинстве своем видные и авторитетные литературоведы, насчитывающие не один десяток лет исследовательской работы.

Новый сборник наглядно демонстрирует растущую силу советского литературоведения, успехи наших исследователей, раскрывающих несметное идейное и художественное богатство родной литературы. Но в то же время в ряде статей сборника отразились самые отсталые, порочные и чуждые нам историко-литературные концепции.

Статья Н. Пиксанова «Крестьянское восстание в «Вадиме» Лермонтова», — пожалуй, одна из лучших в сборнике, и прежде всего потому, что автор отказывается от холодно-формалистических, «компаративистских» (сравнительных) приемов анализа. В его работе мы находим немало иронических замечаний по адресу тех неугомонных литературных следопытов, которые избороздили вдоль и поперек поле русской и иностранной словесности в поисках прямых и косвенных «заимствований» и «влияний».

Не в чужих книгах, а в самой русской жизни видит Н. Пиксанов главный источник лермонтовского творчества. «Крепостничество и крестьянские волнения были буднями, повседневностью тогдашней социальной жизни в России, — пишет он.— Лермонтов был тесно окружен проявлениями борьбы крепостного народа за свою волю. И вот гражданское настроение и творческая мысль Лермонтова оказались в прямой зависимости от настроения крепостных крестьян. Отсюда и его обращение к изображению пугачевского восстания».

Интересна статья «Толстой и проблема народа (50-е и 60-е годы)» С. Бычкова. Правда, в его работе встречаются ошибки. Грубо ошибочны рассуждения автора о «подлинно прогрессивном историзме» автора «Войны и мира», о «яркости и типичности» образа Платона Каратаева. И все-таки, несмотря на эти явные ошибки, общее впечатление от статьи С. Бычкова — положительное. На широком историко-литературном материале, в тесной связи с социально-политической борьбой в 60-е годы, раскрывается здесь сложная и противоречивая идейная позиция Л. Н. Толстого.

Содержательность, богатство и новизна привлекаемого материала — таковы несомненные достоинства статьи Н. Бродского о лермонтовском стихотворении «Бородино».

Я. Эльсберг в статье «Русская литература 40-х годов XIX века и проблемы развития национальной культуры» пишет о глубокой идейной и художественной самостоятельности русской литературы, ее «необыкновенно тесном родстве с действительностью» (Чернышевский). Интерес статьи снижается тем, что автор недостаточно четко диференцирует писателей и деятелей 40-х годов.

Статьи Н. Пиксанова, Н. Бродского, Я. Эльсберга, С. Бычкова, хотя и в разной степени, не свободны от отдельных недостатков. Но общим их достоинством является то, что авторы стремятся раскрыть содержание и смысл тех или иных произведений в тесной связи с реальной русской жизнью, с патриотическим и народно-освободительным движением эпохи.

Этого никак нельзя сказать о работах В. Чичерова («Этапы развития русского исторического эпоса»), С. Петрова («Исторический роман Пушкина») и А. Цейтлина («Из истории русского общественно-психологического романа»), занимающих, к слову сказать, половину всего сборника. В этих статьях в удивительно рельефной форме проявились до сих пор еще не изжитые пороки и предрассудки старого буржуазно-либерального литературоведения. Полный отказ от марксистско-ленинского, социально-исторического анализа, отрыв русской литературы от народно-освободительного движения, попытка представить нашу литературу прошлого века в виде единого и нераздельного потока, возвращение то к сравнительным приемам А. Н. Веселовского, то к либеральным разглагольствованиям С. А. Венгерова, то, наконец, к откровенно реакционным рассуждениям в духе кадетского сборника «Вехи», — таков об'ективный смысл статей В. Чичерова, С. Петрова и А. Цейтлина.

В начале своей статьи об этапах развития русского эпоса В. Чичеров говорит о связи фольклора с историческим развитием Руси. Однако этого историзма хватило у автора ненадолго — примерно на первые 15 страниц. После этого В. Чичеров неожиданно для читателя бросается на «охоту за параллелями». И вот уже нет самобытного русского эпоса, связанного с развитием русской жизни и государственности, — перед нами лишь различные вариации одних и тех же неизменных «устойчивых мотивов», аргументируемые, главным образом, путем назойливых ссылок и кивков в сторону А. Н. Веселовского. «Параллелизм эпических сюжетов Запада и русских былин иногда поражает даже сходством деталей», — восклицает исследователь, ослепленный кажущимся «единообразием» русского и европейского фольклора. Глава венчается выводом: «Исторический эпос древней Руси вливается в общее русло литературы и фольклора европейских народов, уточняется и совершенствуется общность мотивов и образов искусства Западной и Восточной Европы».

Верный и последовательный ученик А. Н. Веселовского, В. Чичеров, как видим, превзошел даже своего учителя: сам Веселовский не заходил так далеко в безоговорочном и бесцеремонном отрицании своеобразия русского фольклора!

* * *

Полное растворение классовых понятий, точных научных терминов в нарочито неопределенной, расплывчатой фразеологии характерно для статьи С. Петрова об историческом романе Пушкина.

Автор ухитряется, говоря о декабризме, утопить в потоке либеральной фразеологии все его **революционное** содержание. Всю деятельность дворянских революционеров он ограничивает борьбой за просвещение и за национальную самобытность. Упорно и по-своему последовательно выхолащивая конкретное, социальное, революционное содержание декабризма, как, впрочем, и многих других исторических и литературных явлений прошлого века, С. Петров рисует все развитие русского общества и литературы XVIII и XIX в. в. в виде одной непрерывной и преемственной линии: Петр I — декабристы — Пушкин. Деятельность Петра I и декабристов отождествляется — ведь и тот и другие боролись за просвещение!

Но С. Петрову мало отождествления Петра I с декабристами. И вот он уже рассуждает о единых чертах национального характера, отразившихся в образах Петра I и ... Емельяна Пугачева!

Под этими словами охотно подписался бы любой из тех, по выражению Ленина, «рыцарей либерального ренегатства», для которых самым страшным пугалом являлись слова о революции и классовой борьбе. Но С. Петров продолжает чертить «преемственную» линию дальше. И вот мы уже читаем о каких-то «действительно-важных и об'ективно прогрессивных мероприятиях и законах» царского правительства Николая I, о «положительном, об'ективно-прогрессивном» в деятельности царя Николая!

Что же ценного и «об'ективно-прогрессивного» ухитрился С. Петров увидеть в деятельности Николая Палкина? Может быть, он имеет в виду кровавую царскую расправу с декабристами, с величайшими гениями русской культуры — Пушкиным и Лермонтовым, преследование Герцена, Полежаева, Шевченко, лучших и передовых деятелей и писателей той эпохи? Или учреждение III отделения? Или, быть может, внешнюю политику Николая I, этого, пользуясь словами Маркса и Энгельса, «международного жандарма», чьи руки обагрены не только кровью лучших сынов русского народа, но и кровью героев революций в Европе? Неужели С. Петров не видит сам, куда, в чей лагерь завел его принцип, порочный и враждебный нам от начала до конца?

* * *

Давая блестящую и сокрушительную отповедь кадетскому сборнику «Вехи», этой «энциклопедии либерального ренегатства», Ленин писал о «**полнейшем разрыве** русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями». Эти ленинские слова невольно вспоминаешь, читая статью А. Цейтлина о русском общественно-психологическом романе, написанную, правда, сорок лет спустя после появления «позорно знаменитой книги», но по духу своему вполне продолжающую ее антидемократические традиции.

А. Цейтлин возводит глухую, непроходимую стену между революционными традициями декабристов и всем последующим развитием русского реализма: «Восстание декабристов было разгромлено и не могло не быть разгромлено. Перед русской интеллигенцией возникала необходимость поисков новых путей развития. Их предстояло найти не в романтических иллюзиях героев 14 декабря, но в самой действительности России, как бы она ни была сурова и безотрадна. В этой суровой необходимости таится разгадка поворота русской литературы к новым об'ектам и проблемам».

В статье «Памяти Герцена» и в ряде других работ Ленин говорит о трех поколениях, трех классах, действовавших в русской революции. Он показывает, что дело дворянских революционеров-декабристов не пропало даром. «Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы...»

Всего этого не хочет знать А. Цейтлин. Он прямо выступает против гениальной ленинской концепции историко-литературного процесса XIX века и пытается зачеркнуть весь первый этап русской революции, сводя его к бесплодным романтическим иллюзиям!

В романах Пушкина и Лермонтова, утверждает А. Цейтлин, отразилась не русская общественная жизнь 20—30-х годов, но лишь «проблема русской интеллигенции». Ну, как не вспомнить здесь бесславных авторов «Вех», которые в лучших творениях передовых русских писателей усматривали «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения»?

Мы узнаем дальше, что «Герой нашего времени» не сторонится задач социальной типизации; однако не они лежат в центре лермонтовского внимания». Белинский, Чернышевский и Добролюбов рассматривали творчество Лермонтова, как дальнейшую после Пушкина ступень в развитии русского реализма, как «новое звено в цепи исторического развития нашего общества» (Белинский). Но эта исторически верная, единственно правильная и не допускающая никаких кривотолков трактовка не устраивает А. Цейтлина. Он выступает со своей концепцией, согласно которой «Герой нашего времени», одна из вершин мировой реалистической прозы,—всего лишь абстрактно-психологический роман, оторванный от конкретной социальной действительности, от жгучих вопросов современной Лермонтову эпохи.

Решив, что историческая роль, сыгранная Пушкиным и Лермонтовым, уже достаточно уяснена, А. Цейтлин принимается за Гоголя. «Знаменательно для Гоголя его настойчивое стремление «воскресить» человека, — читаем мы. — Этого, вероятно, не произойдет с Онегиным, этого, конечно, не случится с Печориным. Что касается до Чичикова, то этот «приобретатель», «подлец» должен был в конце гоголевской поэмы «ожить как следует...» Именно отсюда, из гоголевской темы нравственного «воскресения» человека, идет разработка этого мотива в «Тысяче душ», «Обломове», «Преступлении и наказании», «Братьях Карамазовых», «Воскресении» и других русских романах.

Именно этот «суб'ективный», как его называли сто лет тому назад, элемент гоголевского романа глубочайшим образом волновал передовых людей России. Устами Белинского они оттенили в авторе «Мертвых душ» ту «глубокую всеоб'емлющую и гуманную суб'ективность, которая в художнике обнаруживает человека с горячим сердцем, симпатичного душою...» Этот «горячий», борющийся Гоголь сделался основателем всего критического направления в русском реализме».

Здесь все искажено, все, как в перевернутом изображении, опрокинуто вверх ногами. А. Цейтлин ухватывается за самые слабые, самые реакционные стороны Гоголя и публично заявляет, что именно они-то и сделали Гоголя «основателем всего критического направления в русском реализме». Мало того, желая придать своему чудовищному утверждению убедительный вид, он сознательно извращает факты: он пытается уверить нас в том, что именно эти реакционные стороны Гоголя—его безнадежная попытка во второй части «Мертвых душ» оправдать современный ему крепостнически-рабский строй, его проповедь смирения и нравственного «возрождения» — именно это-то и волновало и восхищало передовых людей России и прежде всего Белинского!? Того самого В. Г. Белинского, который раскрыл нам великое значение Гоголя-реалиста и с замечательной гневной силой обрушился на Гоголя за его вредную и реакционную проповедь!

Отражая растущие успехи советского литературоведения, новый сборник в то же время является и тревожным сигналом: он свидетельствует о том, как цепко держатся еще некоторые наши исследователи за порочные концепции, чуждые советской науке о литературе. Непримиримая большевистская борьба со всеми пережитками старой буржуазной «науки»—неотложная задача наших литературоведов и всей советской общественности.

Олесь ГОНЧАР

Нестареющая тема

Кто не видел молодых людей, впервые призываемых в армию. Толкаясь и шутя, они примеряют военное обмундирование, застегиваются, становятся в строй.

Как вдруг изменились выражения лиц! Уже не слышно шуток... Уже в глазах появился тот новый далекий блеск, который поэт мог бы назвать блеском вдохновения. Что произошло? Люди встали на какой-то невидимый порог, за которым начинается необычное. На юношей дохнула Советская Армия своими законами, своим призванием и величием.

Это та армия, служба в которой приравнивается к высокой награде. Это армия, в которую мать провожает сынов с гордостью. Это прославленная армия советского народа, грозная сила социализма. Вот почему каждый советский юноша, становясь под ее знамена, так глубоко переживает первые минуты, запоминая их на всю жизнь.

Ни в одной армии мира воины не пользовались таким заботливым вниманием, не чувствовали вокруг себя такого моря всенародной любви. Ни об одной армии мира не создано столько вдохновенных песен, не написано таких ярких страниц, как о нашей, советской.

Да это и понятно! Ведь наша армия воплощает в себе лучшие черты и свойства самого народа. Цвет советского общества — большевики — цементируют ее ряды. И трудности, и тяжелые ратные подвиги, и блестящие победы армии народ переживает, как свои собственные.

Впервые в истории цель армии и цель народа совпала во всем, во всех разветвлениях — в самом большом и самом малом. Армия перестала быть орудием в руках господствующей верхушки, она стала защитницей самих трудящихся. Исчезла уродливая каста военщины. Офицерский корпус Советской Армии воспринимается нами, как один из самых блестящих и самых талантливых отрядов новой советской интеллигенции, воспитанный партией.

Если армейская система капиталистических стран направлена на то, чтобы, схватив человека в тиски, зажать, заглушить в нем все человеческое, превратить его в оловянного солдатика, в робота, ландскнехта, удобоприменимого для расправы с непокорными колониями, для удушения революционных вспышек, — то система Советской Армии, наоборот, стимулирует и развивает все лучшее, все благородное, что есть в человеке.

Не случайно в произведениях, изображающих нашу армию, внимание художников сосредоточено не на «баталиях» да «викториях» как таковых, не на внешних проявлениях деятельности солдата, а прежде всего — на самом солдате, офицере, полководце. На них, на их внутренний мир, на осмысливание ими своих поступков ложится ярчайший свет литературы. Характерны в этом отношении и «Звезда» Казакевича и «Ночь полководца» Березко. Лучшие произведения о нашей армии ничего общего не имеют с батальной декоративной живописью, они неминуемо затрагивают все глубокие вопросы духовной жизни советских людей.

В связи с этим хочется сказать об одном предрассудке, который, хотя и не имеет открытых апологетов, но, тем не менее, сказывается на работе некоторых писателей, критиков и редакторов, в частности — в украинских журналах и издательствах. Дело в том, что часть наших литераторов склонна рассматривать тему армии, в частности, тему Великой Отечественной войны, как не совсем, дескать, «актуальную», как тему «вчерашнюю», полностью реализованную. Нередко можно услышать, что тов. А., дескать, еще работает над военной тематикой, а тов. Б. уже взялся за современную. Под современной темой в таких случаях подразумевается тема восстановления, пятилетки, Донбасса, Днепрогэса. Не преуменьшая значения этих важнейших великих тем, надо сказать, что такое деление по меньшей мере искусственно, упрощенно. Искусственность его в том, что современность темы измеряется в подобных случаях чисто формально-временным понятием, чуть ли не днем окончания войны или датой указа о демобилизации. Только там, где «шел солдат с фронта», начинается, мол, современное по-настоящему. Отсюда те пренебрежительные гримасы, которыми некоторые критики и редакторы встречают произведения о войне. Отсюда та легковесная уверенность части молодых украинских писателей, что стоит только взяться за «восстановление»,—и тема вывезет.

Вот почему хочется сказать — не в «обиду» огромнейшей теме восстановления и отнюдь не в противопоставление ей — слово в защиту темы армии, в частности, темы Великой Отечественной войны. Хочется сказать мудрствующим литературным подрядчикам, что эта тема не стареет и не может постареть для настоящего художника. Она не может стать «вчерашней», пока вокруг нас беснуются поджигатели войны, пока разбойники международного империализма, размахивая факелами, бродят под окнами нашего великого социалистического дома. Разве ревнивое внимание писателя к нашей армии не может совместиться с глубочайшим вниманием к делам Донбасса, Днепрогэса, Запорожья или колхозного строительства?

Неисчерпаемое богатство темы Великой Отечественной войны, неувядаемая сила ее привлекают взволнованный взор художника не только своим драматизмом, величием и значительностью этого периода нашей истории. Сила ее — в большом воспитательном значении для подрастающей советской молодежи, которая— на примерах отцов и старших братьев — будет учиться воинственности, безграничной любви к Родине и безграничной ненависти к посягателям на ее честь и независимость. Прямая обязанность советского писателя — помочь нашей молодежи глубоко осмыслить великие уроки Отечественной войны и овладеть ими. Советские юноша и девушка ищут в книгах о войне страницы, воспевающие красоту человеческого подвига, силу идей, двигающих армии и подымающих их в атаки.

Разве может устареть тема, в которой выступает центральной фигурой советский человек в состоянии высшего напряжения своих физических и духовных сил! Ведь не одна техника, при всей ее громадной роли, решала дело победы. Дело победы решала новая сила, неведомая войнам прошлого, новое, ни с чем несравнимое оружие — оружие советского патриотизма. Партия вооружила им весь наш народ, и оказалось, что лагерь империализма не может противопоставить этому оружию ничего равносильного.

Этот вид вооружения и его обладатель, советский человек, победили.

Советский боец выступил в войне не только вдохновенным деятелем современности, но и деятелем будущего. Разве проникновенный, зоркий художник не встречался в'явь с этим Человеком Грядущего под Москвой на Волоколамском шоссе? Разве не рука бойца коммунизма направляла пылающий самолет Гастелло, разве не грудь человека нового общества закрывала амбразуру вражеского дзота? И разве это беспредельное поле мужания и совершенствования советского человека можно вогнать в обойму каких-то тем, «злободневных» и «незлободневных»?

Великая Отечественная война как бы выкристаллизовала новые духовные качества советского человека, и они стали для глаза художника намного ощутимей, чем раньше.

Все это представляет собою настоящий неисчерпаемый источник творчества писателя. Военная тема свежа для нас, она нестареющая, навсегда боевая. Несуразное противопоставление ее теме восстановления свидетельствует лишь о том, что ограниченно-кампанейский взгляд на явления литературы еще не везде изжит. А, между тем, на примере ряда таких произведений, как «Счастье» Павленко, «Кавалер Золотой Звезды» Бабаевского или «С фронтовым приветом» Овечкина, можно заметить, как эти две темы не только не «враждуют», но взаимообогащают друг друга, расширяют изобразительный арсенал писателя, придают большую синтезирующую силу его мысли, его наблюдениям и выводам.

Речь ведь идет об одном явлении, только лишь освещенном с разных сторон и на разных этапах. Речь идет только о разных главах единого эпоса нашего народа, нашего движения вперед.

Против идеализма в театроведении

И. АЛЬТМАН

Широкое обсуждение книги В. Г. Сахновского «Мысли о режиссуре» во Всероссийском театральном обществе и Государственном институте театрального искусства привлекло к себе внимание нашей театральной общественности.

«Литературная газета» (в статьях «Восхваление идеализма и низкопоклонства», № 4, и «Адвокаты идеализма и низкопоклонства», № 8) обратила внимание на ошибки книги В. Г. Сахновского. Задача режиссеров, театроведов и педагогов ГИТИС заключалась прежде всего в том, чтобы дать правильную оценку глубоко ошибочной, вредной книге.

Этого, к сожалению, не произошло. Ни в докладе Г. Бояджиева, ни в выступлениях режиссеров и театроведов не было серьезной попытки проанализировать «Мысли о режиссуре» с принципиальных позиций марксистско-ленинской эстетики. За исключением А. Мацкина и Е. Холодова, никто не постарался вскрыть порочную методологию режиссера, историка, театроведа, автора многих работ В. Г. Сахновского. Более того: многие из выступавших — и в первую очередь Б. Захава — пытались полностью реабилитировать идеалистическую, реакционную книгу.

Некоторые режиссеры и театроведы, желая вывести «Мысли о режиссуре» за «линию огня», ссылаются на то, что в этой книге преобладают импрессионистские, порой сумбурные высказывания режиссера, не претендующие на научность. Аргумент, рассчитанный на наивность оппонента! В. Г. Сахновский получил специальное философское образование в Фрейбургском университете (1904—1907 гг.) и окончил курс в Московском университете по историко-филологическому факультету (1910 г.). Он был профессором Университета им. Шанявского и других высших учебных заведений и многие годы читал курс истории литературы, искусства, театра. Он был руководителем кафедры режиссуры в ГИТИС.

Редактор книги и автор предисловия к ней Н. Горчаков пишет: «Краткий перечень прочитанных за эти годы Василием Григорьевичем курсов дает полную характеристику его обширных и разнообразных познаний». Но ни Н. Горчаков, ни другие апологеты книги даже не попытались уяснить, каков характер «разнообразных познаний» В. Г. Сахновского и в чем суть его методологии и эстетики.

В своей работе В. Г. Сахновский привлекает материал из разных областей искусства. Почти в каждой главе автор анализирует произведения живописи, скульптуры, архитектуры. Он говорит о Рейсдале, Бургиньоне, Греко, Тинторетто, Поле Веронезе, Моне, Франсе Гальсе, Гольбейне, Тициане, Бернини и других мастерах. Но странно: мысли В. Г. Сахновского, казавшиеся его защитникам «оригинальными», «искренними», «проникновенными», на деле оказываются копией взглядов буржуазного искусствоведа, формалиста Генриха Вельфлина. (Г. Вельфлин — «Основные понятия истории искусств», изд. «Академия», 1930 г.).

Из многочисленных примеров приведем несколько.

У Сахновского:

Стр. 51—Обычно Рейсдаль дает силуэты пологих под'емов, масса листвы у него грузная, отдельные формы не обособлены...

У Вельфлина:

Стр. 6— Рейсдаль любит давать силуэты пологих под'емов... масса листвы у него компактнее...Он сообщает пейзажу своеобразную грузность... Он не позволяет отдельным формам обособляться друг от друга...

У Сахновского:

Стр. 89 — «Улица» Моне — картина, в рисунке которой решительно ничто не соответствует форме, известной нам из природы. Но, глядя на эту картину, мы убеждены в существовании всех ее деталей, ибо изображена жизнь...

Скажут, это импрессионизм. Но почему же мы одинаково видим и кружевные воротники, написанные Франсом Гальсом, и упоительно верно сделанные, тщательно выписанные детские (?!) вышивки, и мелкие ювелирные изделия в портретах Гольбейна. А ведь Франс Гальс не выписывал воротники и изображал кружева наподобие белой мерцающей массы.

У Вельфлина:

Стр. 25—26 — Картина оживленной улицы, как она написана хотя бы Моне, — картина, в рисунке которой ничто, решительно ничто не соответствует тому, что мы привыкли считать формой, известной нам из природы, — картина с таким явным несоответствием знака и вещи, конечно, еще невозможна во времена Рембрандта, однако в основе своей импрессионизм существовал уже тогда.

Стр. 27 — На своих портретах Гольбейн тщательнейшим образом выписывает детали вышивок и мелких ювелирных изделий. Напротив, Франс Гальс подчас писал кружевной воротник наподобие белой мерцающей массы.

У Сахновского:

Стр. 51 — Пейзажи Рейсдаля—законченные композиции в великолепном собрании картин голландской кисти. В них ширь пространства, красота бесконечного, то, что способны были понять художники барокко.

У Вельфлина:

Стр. 170 — ... Чувствуется лишь безграничная ширь пространства... и картина является типичным примером красоты бесконечного, которую впервые способен был понять барокко.

И так далее...

Нас, конечно, интересует ход мыслей В. Г. Сахновского, а не приведенные текстуальные совпадения. Мы имеем дело не с заурядным плагиатом, а с единством эстетических взглядов Сахновского и Вельфлина. Вельфлин изучает искусство только с точки зрения формы. Сахновский неоднократно подчеркивает, что искусство не отражает реальность жизни (стр. 47 и др). Он сознательно уравнивает понятия «реальность» и «быт». Изображение же больших процессов в жизни, т. е. подлинной реальности, он подменяет суб'ективным отношением художника к действительности, его интересуют лишь **«черты реальности с точки зрения художника»** (стр. 47, подчеркнуто Сахновским). Не случайно Сахновский считает «идеальным зрителем» Дон-Кихота, живущего среди химер (стр. 46).

Конечно, у каждого художника свое собственное видение мира. Но задача советского режиссера как раз в том и заключается, чтобы его видение мира совпадало с видением народа и правдиво отражало жизнь.

Вельфлин считает, что искусство живет своими собственными законами, независимыми от законов общественного развития. Он утверждает формальную «схему видения». искусство не отражает действительности, а дает «знаки», «символы» этой действительности. Следуя за Вельфлином, Сахновский отрицает ленинскую теорию отражения.

В искусстве барокко, пишет Вельфлин, «знаки изображения совершенно отделились от реальной формы. Видимость торжествует над бытием» (стр. 26). Такова же позиция Сахновского. Его идеалом является искусство определенных представителей барокко.

Восхищаясь тем, что пейзажи многих художников барокко «решительно ничем» не напоминают натуру, Сахновский неоднократно подчеркивает, что режиссер должен черпать материал не из реальной жизни, а из мира искусств.

Эстетика Сахновского — это эстетика Вельфлина и кантианца Рихарда Гамана. Не случайно поэтому Сахновский игнорирует искусство великих русских мастеров, насыщенное драматизмом социальной борьбы (одно единственное — в пять слов!— упоминание о Репине на стр. 50).

В том, что Сахновский восхищается искусством западноевропейских классиков живописи, нет ничего зазорного. Но в книге Сахновского мы не находим признаков самостоятельного, советского эстетического мышления, автор превозносит художников **определенного рода,** художественный метод, чуждый социалистическому реализму. Книга «Мысли о режиссуре» — характерный пример рабского подражательства, экзальтированного и, буквально, самозабвенного преклонения перед реакционной, формалистской эстетикой буржуазного Запада.

Всякий непредубежденный читатель легко может заметить, что чуждая нам методология Сахновского распространяется не только на живопись, но и на искусство в целом. Вина Сахновского не в том, что он не понимал сущности этой «эстетики», а в том, что, отлично понимая ее социальное содержание, внедрял ее идеалы в методику преподавания.

Кажется, ясно, что примирить метод Вельфлина — Сахновского или Гамана — Сахновского с методом социалистического реализма нет никакой возможности. Однако эклектики пытались представить ошибки Сахновского как «частные», будто бы не снижающие достоинств его книги... Читатель не найдет в «Мыслях о режиссуре» ни малейшей попытки показать, в чем состоит метод социалистического реализма в театре. Не в этом ли достоинство книги? И дело не в том, что этот метод ни разу даже не назван автором. Дело в том, что Сахновский признает другой метод, возрождая идеалистический рапповский лозунг «психологического реализма». Отсюда — абстрактное идеалистическое определение романтизма и реализма и игнорирование революционной романтики.

Нужно ли сейчас доказывать, что только методом **социалистического реализма** можно правдиво изображать характер человека!

Эстетическими позициями Сахновского определяются и его взгляды на роль советского режиссера. «Суть режиссерского искусства, — пишет Сахновский, — заключается в том, чтобы выразить в спектакле образы автора, чтобы проблемы, разрешаемые автором, стали бы его, режиссера, собственными проблемами, его поэзией» (стр. 49).

Легко заметить, что это — отказ от идейного, философского, художественного осмысливания будущего спектакля, как произведения искусства, отражающего жизнь. Эта мысль проходит красной нитью по всей книге.

Мы решительно против такого взгляда: ставя пьесу, советский режиссер обязан подходить к ней не об'ективистски, не как «интерпретатор», а как страстный борец за большую человеческую правду.

Из всех работ В. И. Немировича-Данченко Сахновский выбрал в качестве положительных спектакли «Братья Карамазовы» и «Бесы» Достоевского (стр. 133). Сахновский игнорирует мысли В. И. Ленина и А. М. Горького по поводу «Братьев Карамазовых» и извращает общеизвестный факт из истории МХАТ. Вспоминая о постановке «Братьев Карамазовых», В. И. Немирович-Данченко критически подходит к этой работе и цитирует негодующее письмо А. М. Горького от 27 ноября 1913 года. В. И. Немирович-Данченко приходит к выводу, что «искусство не может быть аполитично, даже по своей природе». Эту мысль он называет «непоколебимой формулой», которая выработана в жарких схватках напряженностью благородной мысли, «какой не знала театральная идеология за все века своего существования». («Из прошлого», 1938, стр. 220—221).

Вот к каким выводам, **вопреки** мнению Сахновского, пришел великий советский режиссер. Сахновский же считает, что Немирович-Данченко правильно следовал за Достоевским и что «режиссер видит сложный, большой мир, замещая поэта в создании сценической жизни». Сахновский настойчиво рекомендует глядеть на мир только **глазами автора,** пассивно следовать за ним, как сам Сахновский следует за Рейсдалем, «мудрым прозорливцем» Пиранези и философией Достоевского, находясь «в плену рожденных ими впечатлений» (стр. 52).

Нам нужен не просто режиссер — «организатор» спектакля, «интерпретатор» пьесы. «Современное, — писал К. С. Станиславский, — может стать вечным, если оно несет в себе большие вопросы, глубокие идеи». Нам нужен режиссер — художник и мыслитель. Советский режиссер осмысливает философскую и политическую идею спектакля и в связи с этой идеей находит главное зерно, единое сквозное действие, направление и цель спектакля. Без такого понимания задачи нет настоящего советского режиссера, для которого принцип **партийности искусства** является главным. Ни слова об этом мы не найдем в книге Сахновского, проповедующего теорию стихийности, «хвостизм» в искусстве режиссуры.

Для того, чтобы двигать театральное искусство вперед, мы должны до конца разоблачить мешающие нам вредные теории. Сахновский — не последователь Станиславского, а эпигон Вельфлина, Гамана и реакционного историка И. Е. Забелина. «Мысли о режиссуре» — это книга эпигона формализма, идеалистической эстетики и реакционной историографии.

* * *

Какие выводы мы должны сделать из обсуждения этой книги?

Комитет по делам искусств и президиум Всероссийского театрального общества забыли об идейной работе с режиссерами. Многие режиссеры отстали в идейно-творческом отношении и находятся в стороне от больших проблем социалистической эстетики.

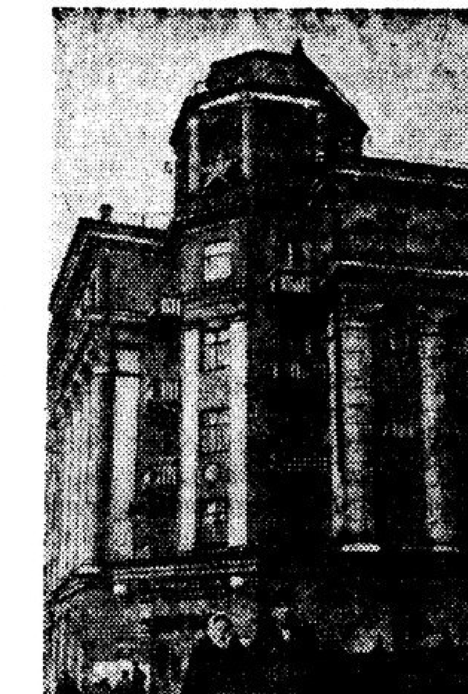
Многие наши театроведы теоретически беспомощны, пробавляются эклектической окрошкой из декадентских театральных теорий. Пренебрегая принципами марксистско-ленинской эстетики, они оказываются не способными выйти за пределы эмпирического и суб'ективистского анализа явлений искусства. Об'единение театральных критиков при ВТО работает изолированно от литературоведов и литературных критиков. Это не может не принести вреда теории театрального искусства.

Редакция газеты «Советское искусство» не занимается вопросами эстетики театра. Решение ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г. отмечало крупнейшие недостатки театральной печати и особенно «Советского искусства». Положение за это время не улучшилось. Яркий образец — вредные статьи «Советского искусства» в защиту реакционной книги В. Г. Сахновского.

Город, встающий из пепла

В Белом зале Московского дома архитектора на-днях демонстрировалась выставка, посвященная необычайной теме — второму рождению города Воронежа. Эту выставку устроили воронежские архитекторы, как документальную часть своего творческого отчета президиуму Союза советских архитекторов.

Стенды выставки «читались», словно волнующий рассказ о замечательном мужестве и героическом труде советского народа. Они вели от кладбищенских пейзажей разрушенного на 90 процентов областного центра через ожившие магистрали сегодняшнего Воронежа к его завтрашнему дню, когда он не только предстанет в своем довоенном цветущем виде, но и приобретет новые черты подлинно социалистического города, воплощающие сталинскую заботу о человеке.

Воронеж — один из пятнадцати старейших русских городов, пострадавших от войны и восстанавливаемых наряду со Сталинградом по решению правительства. Уже сегодня, через два года после этого решения, воронежские улицы оживлены и жизнерадостны, и хотя кое-где еще сохранились завалы от взорванных врагом зданий, но снова сверкают асфальтом главные городские магистрали и площади, приведены в порядок мостовые и тротуары, все главные улицы освещены матовыми фонарями.

Израненный город надевает живописный зеленый наряд. Восстановлен его прекрасный центральный парк культуры и отдыха имени Л. М. Кагановича, служивший ареной ожесточенных сражений, благоустроены городские сады и скверы. В 1947 году посажено 95 тысяч декоративных, фруктовых деревьев и кустарников, разбито 5 тысяч квадратных метров цветников и 10 тысяч газонов.

Около десяти тысяч новых жилых домов уже заселены. Из 45 многоэтажных зданий, которые поднимутся на руинах главной магистрали — на проспекте Революции, более половины уже отстроены или отстраиваются. Заново восстановлены здания Государственного банка, гостиницы, Государственного драматического театра, Дома культуры с богато отделанным зрительным залом и механизированной сценой, кинотеатр «Пролетарий» на 800 мест, школы. Город-герой снова становится крупным научным центром: работают 8 высших учебных заведений, 12 техникумов.

Заканчивается проектирование больших архитектурных комплексов на центральной площади города — имени 20-летия Октября: Дом Советов, Дом областной библиотеки и Театр оперы и балета. Постройка этих зданий начнется в 1949 году. Вторым крупнейшим ансамблем, формирующим архитектурный облик нового Воронежа, будут здания университета. Главными фасадами своих корпусов университет выйдет на вновь проектируемый центральный бульвар, открывающий вид на реку и на заречные дали. Проектируется также второй центральный бульвар, берущий начало от проспекта Революции и отделяющий деловой центр Воронежа от его жилых кварталов. Два монументальных жилых здания башенного типа, воздвигаемых на проспекте Революции, составят своего рода «пропилеи» этого бульвара.

Начаты изыскательские работы по расширению и углублению реки Воронеж. Река должна украсить город, превратившись в голубую магистраль шириной до двух километров.

С. ИППОЛИТОВ.

НА СНИМКАХ: восстановленные здания городской гостиницы (сверху) и универмага (внизу).

Фото А. Становова.

А. ЛИТВАК

С теми, кто наступает!

Вчера в Запорожье вручали ордена и медали инженерам и каменщикам, бетонщикам и электросварщикам, архитекторам и кровельщикам, отличившимся при восстановлении первой очереди завода «Запорожсталь». Этот завод до войны был красой и гордостью нашей страны. Красой и гордостью был восстановительный труд людей, поднимавших из руин домну и гигантские цехи, чтобы вернуть заводу на Днепре былую славу «жемчужины южной металлургии».

На втором году послевоенной пятилетки строители Запорожья дали слово великому Сталину обеспечить выпуск стального листа. Начиная с июня прошлого года, они начали вводить в строй об'екты поистине гигантского масштаба. Запорожцы показали, как советские люди, применяя передовые социалистические методы труда, решают большие и сложные задачи.

В третьем году пятилетки строители приняли решение: в кратчайший срок возродить полностью «Запорожсталь», возродить досрочно — в 1949 году.

Но в те дни, когда людям вручаются награды, когда пожимают руки тт. Дымшицу и Румянцеву, Недужко и Шегалу, Чудану и Макаровой и сотням других стахановцев-рабочих и инженеров, применявшим передовые методы труда, обогащенным большим опытом, — над «Запорожстроем» не развевается Красное знамя победителей соревнования. Знамя, которое запорожцы держали несколько месяцев подряд, ушло от них. Другие оказались победителями в социалистическом соревновании.

В чем дело? Что случилось? Может быть, уехали из Запорожья лучшие люди? Может быть, оскудела творческая мысль инженеров и стахановцев Запорожья? Может быть, решили люди почить на лаврах?

Нет, остались в Запорожье те же люди и так же горячи их сердца!

Что помогало до сих пор запорожстроевцам побеждать? Развитие социалистического соревнования, партийно-массовая работа, умелая расстановка сил на решающих участках, твердый и четкий, не знающий отклонений, график стройки, отличное понимание того, что значит **направление главного удара.** Так, может быть, забыли обо всем этом запорожцы?

Нет, не забыли.

Запорожцы отстали в соревновании потому, что их оставили без поддержки. Летом прошлого года знаменитый монтажник Запорожья Иван Румянцев подробно знакомил меня с организацией дела в бригаде трубопроводчиков. Работа новаторов требует соответствующей организационной подготовки. Для того, чтобы Иван Румянцев действовал безошибочно и быстро, монтируя сложнейшие паропроводы, нужно иметь под рукой все необходимое— и во-время! Чтобы укладывать кирпичи так, как это делает Анна Макарова, надо иметь много кирпичей, и должны они подаваться точно в намеченные сроки. Если этого нет, график будет сведен к ничего не стоящему клочку бумаги, концентрация усилий бригад превратится в фикцию, разговор о направлении главного удара станет пустой фразой.

В прошлом году страна чутко откликнулась на нужды Запорожья. Но запорожцы не хотели быть иждивенцами, — они строили собственные кирпичные заводы, деревообделочные комбинаты, приспособили механизмы, старались как можно меньше обременять других заботами. Однако есть вещи, которых на самой стройке не сделать, их нужно получать со стороны.

Приближается пуск первого мартена, долгожданный момент получения запорожской стали, а стахановцы-строители стоят в ожидании волнистого железа, которое необходимо для того, чтобы закрыть корпус здания. Запорожцам нужны рельсы, подкладки для рельсов. Днепропетровский завод имени Петровского, Макеевский завод имени Кирова, Енакиевский завод подняли свои обязательства «со скрипом». Гипромез — проектный институт Министерства черной металлургии — не торопится со сдачей проектов металлических конструкций доменной печи.

В строй гигантов возвращается поднятая советскими людьми «Запорожсталь». Товарищи-металлурги—И. Коробов, И. Белобров, Н. Гончаренко, Н. Коробов, поддержите растущий завод и не ставьте его восстановителей под удар!

Ново-Краматорский машиностроительный завод прекрасно проявил себя в период пуска первой очереди «Запорожстали». А сейчас завод задерживает сдачу сложного оборудования — кабины для разливочного крана на мартене грузопод'емностью в 260 тонн, а также тележки вспомогательного под'ема.

На стройке нет леса. Начальник Укрснаблеса тов. Юринов получил твердое задание—дать «Запорожстрою» 400 вагонов в первом квартале. Прошло почти две трети этого срока, а тов. Юринов отгрузил всего 106 вагонов. Управляющий трестом «Стройлеспром» тов. Семенов должен был обеспечить отгрузку 216 вагонов леса в феврале, а отправил седьмую часть. В Запорожской области нет лесов, и если тт. Юринов и Семенов не выполняют планов, то этим они посадят стройку на мель. А в то же время заместитель начальника Главчерметстроя Приднепровья тов. Раскин советует запорожцам... пилить шпалы «на месте» — из не существующего в Приднепровье леса. Директора заводов металлических конструкций в Днепропетровске и Запорожье тт. Борисенко и Жук «по-соседски» не подали на площадку еще ни одной тонны металлических конструкций для уникальной сварной домны.

Уместно только, пожалуй, дополнить рассказ сообщением о том, что фамилии целого ряда нерадивых поставщиков встречаются в списке людей, получивших ордена за участие в восстановлении первой очереди «Запорожстали». Но, очевидно, иные награжденные забыли, что для советских людей правительственная награда — это не только признание прошлых заслуг, но и призыв работать впредь лучше, ударнее!

Концентрация строительных усилий на тех об'ектах, которые способны быстро оправдать сделанные вложения, приносит победу; это было доказано в прошлом году на опыте ударной стройки в Запорожье. В нынешнем году такая концентрация предусмотрена в общегосударственном плане и бюджете страны. Мы определяем первостепенные площадки, мы не распыляем средств на всякие другие строительства, мы боремся за ввод в действие ударных об'ектов. Это мудрая государственная политика расходования свыше 60 миллиардов рублей, ассигнованных по новому Государственному бюджету на строительство, и она даст стране возможность в кратчайшие сроки обогатиться новыми производственными мощностями.

Немыслимо представить себе, чтобы наступающая армия была лишена необходимого снабжения и подкреплений. Сейчас, когда мы начинаем жить и работать по новому Государственному бюджету, важно приковать внимание к тому, что запорожцы оказались изолированными в своем наступательном порыве. Из этого факта нужно сделать решительные и глубокие выводы, чтобы избавить и запорожстроевцев, и других строителей от многих неприятностей в будущем. Социалистическая взаимопомощь, строжайшая дисциплина среди людей, связанных единством плана, должны обеспечить победу строителей, ведущих огромное концентрированное наступление в нынешнем году.

С теми, кто наступает, должны быть работники смежных производств, поставщики материалов и оборудования, люди с горячими сердцами, люди больших устремлений, способные за каждым своим шагом увидеть завтрашний день страны, умеющие всякую мелочь соразмерять с огромной поставленной целью.

Встреча с разведчиками недр

Десятки геологических экспедиций каждое лето отправляются в близкие и отдаленные районы Советского Союза. В них принимают участие люди разных возрастов, разной научной квалификации, разного опыта, но все они воодушевлены единым стремлением: найти!

За годы советской власти почти заново создана карта подземных богатств нашей страны.

Жизнь советского геолога, отправляющегося за рудой в далекие и трудно доступные области нашей Родины, очень интересна. Часто бывает он там, где до него еще не ступала человеческая нога. Его маршрутом руководит государственный план. Таинственные законы горообразования, бесконечно отдаленные по времени извержения погасших и действующих вулканов, моря, существовавшие на нашей планете миллионы лет назад, диктуют ему направление. И он идет по самым трудным дорогам, зная, что его поиски необходимы народному хозяйству сегодня, как воздух, как вода, которую, он, кстати сказать, сам открывает в песках безводных пустынь

Состоявшаяся в Центральном доме литераторов встреча писателей с геологами заложила начало их дружбы. Открывая вечер, Леонид Леонов тепло приветствовал гостей и первое слово предоставил министру геологии СССР тов. И. И. Малышеву.

Тов. Малышев подчеркнул, что за один только 1947 год Министерством геологии обследована площадь, равная территории Италии и Германии. Надо шире привлекать внимание общественности к жизни и работе наших геологов. Писатели могут почерпнуть много интересных тем для своих будущих произведений. Советский геолог должен стать достойным героем современных романов, повестей, пьес.

О своей работе на Алтае и о том, как начинал свою индустриальную историю этот крупнейший в стране горнорудный район, рассказал академик И. Ф. Григорьев. Он указал, что богатейший советский Алтай еще не получил до сих пор надлежащего освещения в художественной литературе.

Профессор В. М. Крейтер говорил о романтике героических будней наших геологов, о трудных условиях работы в тайге, среди льдов и снегов, на движущейся лаве вулканов.

Большой интерес у слушателей вызвал рассказ профессора Д. И. Яковлева о долголетней и самоотверженной работе по освоению пустыни Бедпак-Дала.

Первая встреча, естественно, носила торжественный характер. Вслед за этим должны начаться рабочие будни.

И тогда писатели не будут в долгу перед людьми великого трудового подвига, без открытий которых вряд ли возможна сегодня сама жизнь.

И. РАХТАНОВ
И. ФРОЛОВ

По следам выступлений «Литературной газеты»

«Жизнь книги надо продлить»

Под таким заголовком «Литературная газета» поместила в № 4 от 14 января с. г. письмо зав. библиотекой Первого государственного подшипникового завода М. Фрадкиной и корреспонденцию тов. Б. Любимова. Авторы сигнализировали о том, что в Москве и в других городах нет переплетных мастерских, которые обслуживали бы библиотеки и отдельных граждан.

Начальник управления промысловой кооперации при Совете Министров РСФСР тов. П. Кравчук в связи с этим сообщает, что в газете «совершенно правильно был поставлен вопрос о необходимости расширения сети переплетных мастерских и о необходимости участия в этом деле промысловой кооперации РСФСР».

В связи с возросшим спросом на переплетные работы со стороны населения и библиотек и постановкой этого вопроса «Литературной газетой»,—говорится в приказе по Управлению промысловой кооперации при Совете Министров РСФСР, — предложено не позднее 1 марта с. г. открыть в разных городах (Москва, Ленинград, Куйбышев, Саратов, Молотов, Сталинград, Омск, Горький, Новосибирск и др.) 56 переплетных мастерских для приема заказов от населения и выполнения на договорных началах переплетной работы для библиотек.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Недобросовестный критик

Я много лет работаю над изучением истории французской революционно-демократической поэзии XIX века. Около десяти лет ушло только на то, чтобы найти поэзию Парижской Коммуны, ненавидимую и замалчиваемую буржуазной критикой. Издан пока лишь первый том моего труда «Поэты Парижской Коммуны», где я ставил себе задачей рассказать о том, кто были поэты-коммунары, какова была их поэзия, и желал назвать — спасти от забвения — имена всех вообще писателей Коммуны.

В номере первом «Нового мира» появилась рецензия А. Гатова, написанная в чрезвычайно раздраженном тоне, который, возможно, обусловлен моими словами о том, что в статьях А. Гатова о Потье «немало фактических неточностей».

Увы, от этого я не отрекаюсь и теперь, переводы А. Гатова из Потье вообще очень неважные, а порою даже унизительны для памяти великого французского пролетарского поэта.

Не имея достаточной квалификации для суждения о книге в целом, А. Гатов тем не менее об'являет ее неудачной. Зная только одного Потье, он находит, что незачем было мне писать книгу о всей поэзии Коммуны. Он с барским пренебрежением отрицает всю прочую поэзию Коммуны: все это, якобы, «незначительные поэты, писавшие недолговечные произведения». Заявление наредкость невежественное, а главное, совершенно недопустимое для советского критика.

Об'являя, что я написал не ту книгу, которую мне нужно было написать, А. Гатов недоволен решительно всем и, в частности, той главой о Потье, о которой он только и высказывается. В частности, я обвинен в незнании «восторженного очерка» и «первого в мире отзыва о Потье», который принадлежит М. Л. Михайлову (инициалы которого А. Гатов перепутал). У читателя может создаться впечатление о существовании большой статьи, не знать о которой мне было бы непростительно. Но у М. Михайлова есть хотя и очень сочувственные, но лишь беглые высказывания о встрече с Потье в одном из парижских салонов. А. Гатов сообщает об этом, намекая на мое намеренное желание игнорировать русские источники, и указывает (желая создать впечатление, что и этот источник мною игнорируется) на заметку о Потье в доктябрьской «Правде», хотя я упомянул о ней на стр. 245.

Тут же А. Гатов дает смешное по своей развязной неосведомленности толкование песни Потье «Ворон расстреливают», пытаясь отнести ее к декабрьскому перевороту 1851 года, хотя в 6-й строфе песни речь идет об осаде Парижа в 1870—1871 гг. Тут же он опротестовывает мой неправильный перевод слова Peppni в другой песне Потье, хотя в своем собственном переводе этой песни он делал примерно ту же ошибку.

Я хотел бы спросить редакцию «Нового мира», неужели она не знает слов Ленина о существовании в каждой национальной культуре элементов демократической и социалистической культуры и, следовательно, о необходимости для советской науки изучать эти демократические элементы, игнорируемые на Западе? Если А. Гатов отрицает значение огромного пласта французской политической поэзии, то неужели редакция не понимает, какая это серьезная ошибка? Я хочу спросить также редакцию «Нового мира», почему она не читает рецензируемых книг (хотя бы в целях удержания рецензентов от сведения личных счетов) и почему она поручает ответственное дело рецензирования некомпетентному автору, в результате чего читатель получил искаженное представление о моей книге?

Доктор филологических наук, профессор Ю. ДАНИЛИН.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательства — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01122